

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

№ 10/3

2012

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научно-практический журнал

Журнал зарегистрирован
Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовой
коммуникаций от 15 мая 2002 г.
Свидетельство о регистрации ПИ № 10-4711

Учредитель – Южный федеральный университет
Главный редактор – академик РАО, д.биол.наук,
профессор Ермаков П.Н.

Журнал издается с 1996 г., выходит 4 раза в год
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
Научно-практический журнал
2012 г. ➤ № 10/3

Ответственный секретарь –
Попова Л.В.
Компьютерная верстка – Елфимова Г.В.

Редакционный совет

д.пед.наук, профессор Акопов Г.В.	д.пс.наук, профессор Марьин М.И.
д.пс.наук, профессор Асмолов А.Г.	д.пс.наук, профессор Перелыгина Е.Б.
д.пс.наук, профессор Аллахвердов В.М.	д.пс.наук, профессор Попов Л.М.
д.пс.наук, профессор Богоявленская Д.Б.	академик РАО, д.пед.наук, профессор Рубцов В.В.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Бондырева С.К.	член-корреспондент РАО, д.пс.наук, профессор Реан А.А.
д.пс.наук, профессор Дебольский М.Г.	д.пс.наук, профессор Рыбников В.Ю.
д.пс.наук, профессор Забродин Ю.М.	д.пс.наук, профессор Смирнов С.Д.
д.пс.наук, профессор Знаков В.В.	д.пс.наук, профессор Тхостов А.Ш.
д.пс.наук, профессор Зинченко В.П.	канд.пс.наук, доцент Цветкова Л.А.
д.пс.наук, профессор Карпов А.В.	д.пс.наук, профессор Черноρίζов А.М.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Климов Е.А.	академик РАО, д.пс.наук, профессор Шадриков В.Д.
д.пс.наук, профессор Леонтьев Н.И.	д.пс.наук, профессор Шмелев А.Г.
д.пс.наук, профессор Малофеев Н.Н.	академик РАО, д.пс.наук, профессор Фельдштейн Д.И.

Редакционная коллегия

д.пс.наук, профессор Абакумова И.В.	д.пс.наук, профессор Рюмина Л.И.
д.биол.наук, профессор Бабенко В.В.	д.пс.наук, профессор Сидоренков А.В.
канд.пс.наук, профессор Васильева О.С.	д.пс.наук, профессор Скрипкина Т.П.
д.пс.наук, профессор Воробьева Е.В.	д.пед.наук, профессор Федотова О.Д.
д.пс.наук, профессор Джанерьян С.Т.	д.пед.наук, профессор Фоменко В.Т.
канд.пс.наук, доцент Дикая Л.А.	д.филос.наук, профессор Шкуратов В.А.
д.пс.наук, профессор Лабунская В.А.	

Адрес редакции:

344038, Ростов-на-Дону,
пр. Нагибина, 13, ком. 243.
Тел. (863) 243-15-17; факс 243-08-05
E-mail: rpj@psyf.rsu.ru

Подписано в печать 17.09.2012.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 9,33.
Заказ № 33/12. Тираж 1000 экз.

Подготовлено и отпечатано DSM group.
ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081. г. Ростов-на-Дону, ул. Казахская, 35.
E-mail: dsmgroup@yandex.ru, dsmgroup@mail.ru

Перепечатка материалов только по согласованию с Редакцией.
© Северо-Кавказский психологический вестник

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Берлова Т.Н. Междисциплинарные подходы к изучению профессионально-карьерного становления студентов	5
Кирякова Е.А. Основные подходы к исследованию профессиональной адаптации военнослужащих офицеров	8
Котенёва Е.Б. Психологические аспекты изучения успешности профессиональной деятельности и её показатели в деятельности социальных работников	12
Шинкаренко М.В. Влияние профессиональной ориентации на социальные представления о здоровье	17

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Беззян А.А. Лукизм и этническая дискриминация	21
Мертёхин А.А. Интернет – зависимое поведение и перегрузка информацией	24
Ульянова Н.Ю. Взаимосвязь социально-психологической и предметно-деятельностной эффективности и сплоченности производственных групп	28
Романенко Е.П. Содержательные тенденции представлений студентов и практикующих психологов о моде	32
Шкурко Т.А., Балакина А.А. Социально-психологические особенности отношений к другим людям жителей мегаполиса, большого и малого городов	36

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Прокофьева Н.В. Внешние и внутренние факторы формирования морально-нравственного сознания индивида	41
Ростова Е.Н. Самосознание личности и представление о смысле своей жизни у взрослых	45
Симаченко И.П. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и подростковых страхов	49
Фоминичев А.В. Психотерапевтический дискурс: исследование особенностей речевого взаимодействия гештальт-терапевта	53

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КАРЬЕРНОГО СТАНОВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Берлова Т.Н.

В статье рассматриваются содержания педагогического, социологического и психологического подходов к изучению профессионально-карьерного становления студентов.

Ключевые слова: профессионально-карьерное становление студентов, междисциплинарный подход, карьера, обучение в вузе, профессионализация.

Актуальность исследования междисциплинарных подходов к изучению профессионально-карьерного становления студентов обусловлена рядом факторов: современной социально-экономической ситуацией в России, предъявляющей высокие требования к личности профессионала; сложностью и практической значимостью изучения феномена профессионально-карьерного становления личности на этапе обучения в вузе. Поэтому целью данной статьи выступило рассмотрение содержания педагогического, социологического и психологического подходов к изучению профессионально-карьерного становления студентов.

В рамках педагогического подхода профессионализация, включающая в себя один из этапов обучения и профессионального становления в вузе, рассматривается как один из ведущих процессов развития человека, направленная не столько на усвоение фиксированного объема ЗУН и способов деятельности, сколько на преобразование самого субъекта деятельности [18].

В центре внимания педагогических исследований по проблемам профессионального образования находится профессиогенез – постоянное, на протяжении всего периода трудовой деятельности, качественное преобразование специалистом своего внутреннего мира, приводящее к принципиально новому его строю и способу жизнедеятельности – творческой самореализации в профессии.

Опыт формирования готовности к профессиогенезу в условиях вуза в отечественной и зарубежной практиках образования Т.Е. Титовец условно разделяет на три подхода.

1. Мотивационно-ценностный подход – развитие мотивационно-ценностной сферы специалиста, его установки на профессиональный рост и самосовершенствование, формирование ценностного отношения к профессиогенезу.

2. Персонифицированный подход – стимулирование осмысления учебной информации на предмет ее соответствия профессиональным и личностным смыслам, как стратегия самообразования и саморазвития.

3. Рефлексивный подход – организация практики рефлексии собственных мыслей, умственных действий и поведения, с целью выработки программ самокоррекции, как средство профессионально-личностного развития [22].

В социологии профессиональное становление студентов рассматривается как приобретение знаний, приобщение к истории, социальным практикам, навыкам и дискурсам, которые являются частью соответствующей дисциплины или изучаемой профессии [23]. Проводятся исследования институтов, управляющих процессом профессионального и культурного становления студентов [14].

Современный этап изучения профессионально-карьерного становления студентов в психологии связан с расширением круга научных проблем, требующих интеграции знаний, полученных в разных областях психологической науки.

В рамках психологии личности процесс профессиональной подготовки специалистов рассматривается не как формирование профессионального мастерства, профессиональных способностей или профессиональной мотивации, а как формирование личности специалиста в той или иной области человеческой деятельности [21].

Е.А. Соколов выделяет следующие направления в психологических, аналитических исследованиях, посвященных проблематике профессиональной подготовки: исследование механизмов формирования умений и навыков, профессионально важных качеств, знаний; изучение механизмов формирования индивидуального стиля, профессиональных мотивов; исследование проблем переподготовки; определе-

ние объективных и субъективных факторов оценки обученности (критерии обучения). Наряду с этим существуют обобщающие концепции, в которых предприняты попытки исследовать психологические механизмы профессионального обучения в целом, в тесной связи с другими этапами профессионализации личности. Это исследования И.И. Чесноковой, В.Д. Шадрикова, В.А. Бодрова, Ю.П. Поваренкова и ряда других авторов [21].

Еще один подход изучения профессионализации личности связан с психологией смысла, где процесс смыслообразования рассматривается как основополагающий для объяснения профессионального становления студента [2]. Также в поле внимания психологии личности находятся исследования особенностей формирования профессионального самосознания в процессе получения образования [12].

Понимание учебной деятельности студентов как этапа профессионально-карьерного становления подталкивает исследователей к поиску предикторов будущей производственной карьеры. В рамках данного направления изучена психологическая готовность студентов-выпускников к предпринимательской деятельности [9]. Изучены особенности карьерных идеалов студентов [7, 10]. Карьерные идеалы и идеалы образа жизни студентов выступают в качестве ценностных оснований выбора и реализации профессиональной карьеры студентами в процессе профессионально-карьерного становления [4]. Уделяется внимание направлениям психологического сопровождения в ВУЗе профессиональной карьеры студентов по направлениям информирования, коррекции и консультирования [8]. Изучаются: структура жизненных планов, направленных на реализацию карьеры, у студентов-выпускников [6]; психологические характеристики студентов с разными типами карьерных предпочтений [17]; карьерные ориентации в структуре профессиональной Я-концепции студентов [11].

В отечественной теории профессионального становления личности выделяются две различные модели профессионализации, которые можно проследить в рамках вузовского образования: модель адаптивного профессионального поведения и модель профессионального развития [15].

В психологии профессиональной деятельности профессиональное обучение рассматривается как направленное на стимулирование у учащихся психологических качеств, необходимых для успешного прохождения этапов профессионализации. Не только вид труда предъявляет требования к специалисту, но и сама личность работника может иметь требования к труду в профессии, в том числе и к насыщенности труда творческим содержанием [13]. А.К. Маркова, В.Д. Шадриков, описывая профессиональное становле-

ние студентов, выделяют *мотивационную сферу* и затем, на ее основе, *операционную сферу* [13, 21].

В педагогической психологии профессиональное образование изучается как непрерывный процесс профессионального самосовершенствования студентов, специально организованный, системный, непрерывный процесс делового и личностного саморазвития будущих специалистов как субъектов воспитательного процесса [19]. В центре внимания педагогических психологов оказываются: факторы отношения студентов к учебной деятельности и создание психологических условий для оптимизации этого отношения [3]; психологическое сопровождение профессионального становления студентов [1].

В области социальной психологии при изучении профессионально-карьерного становления студентов делается акцент на фактор группового и индивидуального взаимодействия, общения студентов и их отношений в учебном процессе [4]; социально-психологические ресурсы и проблемы на этапе профессионального обучения [20].

В психологии развития и акмеологии профессиональное становление рассматривается как процесс достижения профессионального акме, путем прохождения определенных этапов развития, в ходе которого личность переживает кризисы профессионального становления, а также приобретает профессионально важные качества, опыт, профессиональные деформации и другие новообразования. Причем от успешности прохождения кризисов зависит возможность раскрытия не только профессионального, но и личностного потенциала человека [16].

Таким образом, профессионально-карьерное становление студентов является сложным феноменом, находящимся под влиянием внешних условий и регламентаций, формирующих личность будущего специалиста и субъекта карьерной стратегии, с одной стороны, и определяется, изменяется, конструируется самой личностью студента с другой, порождая индивидуальные стратегии учебно-профессиональной карьеры и формируя предикторы будущего профессионально-карьерного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимов Е.Ю. Психологическое сопровождение профессионального становления государственных и муниципальных служащих в процессе обучения в вузе // Психологические аспекты профессионального становления: материалы Всероссийской межвузовской научной конференции. – М.: РИПО ИГУМНО и ИТ, 2009. – С. 5–13.
2. Басалаева Н.В. Особенности смыслообразования в условиях квазипрофессиональной деятельности: дис. ... канд. психол. наук. – Барнаул, 2006. – 191 с.

3. Воронина О.А. Жизненные стратегии как фактор отношения студентов к учебной деятельности: дис. ... канд. психол. наук. – Киров, 2008. – 229 с.
4. Григорович И.Е. Особенности профессиональной идентичности разностатусных студентов различных курсов обучения: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2009. – 22 с.
5. Джанерьян С.Т. Ценностные основания выбора и реализации карьеры студентами ЮФУ // Компетентностный подход в образовании – успешная карьера выпускника: материалы Международной научно-практической конференции. – Ростов н/Д: Изд-во Антей, 2009. – С. 104–107.
6. Джанерьян С.Т., Астафьева И.Н. Структура жизненных планов, направленных на реализацию карьеры, у студентов-выпускников // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2011. – № 5. – С. 124–130.
7. Джанерьян С.Т., Гвоздева Д.И. Особенности карьерных идеалов студентов: сегодня и 10 лет назад // Инновационный потенциал субъектов образовательного пространства в условиях модернизации образования: материалы международной научно-практической конференции. – Ростов н/Д: ЮФУ, 2010. – С. 33–35.
8. Джанерьян С.Т., Гвоздева Д.И. Идеалы образа жизни студентов как основа работы вузовского центра карьеры // Проблемы и перспективы образования и молодежного рынка труда на современном этапе: материалы Международной научно-практической конференции. – Ростов н/Д: Антей, 2010. – С. 46–48.
9. Джанерьян С.Т., Солдатова И.А. Психологическая готовность студентов-выпускников ЮФУ к предпринимательской деятельности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – Ростов н/Д, 2012. – № 2 (21). – С. 7–12.
10. Джанерьян С.Т., Шевелева А.М. Идеалы профессиональной карьеры у будущих психологов // Психол. вестн. РГУ. – 2000. – № 5. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та. – С. 214–217.
11. Жданович А.А. Карьерные ориентации в структуре профессиональной Я-концепции студентов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2008. – 22 с.
12. Маленов А.А. Особенности формирования профессионального самосознания в процессе получения психологического образования // Профессиональное самосознание и экономическое поведение личности: труды четвертой Международной научной интернет-конференции (март–июнь 2011 г.) / отв. ред. М.Ю. Семенов. – Омск: Полиграфический центр КАН, 2011. – С. 153–162.
13. Маркова А.К. Психология профессионализма. – М., 1996. – 308 с.
14. Мартынова М.Д. Управление процессом профессионального и культурного становления студентов через институт кураторства // Университетское управление: практика и анализ. – 2004. – № 5–6 (33). – С. 104–106.
15. Митина Л.М. Личностное и профессиональное развитие человека в новых социально-экономических условиях // Вопросы психологии. – 1999. – № 4. – С. 32.
16. Могилёвкин Е.А. Карьерный рост: диагностика, технологии, тренинг: монография. – СПб.: Речь, 2007. – 336 с.
17. Новикова И.А., Полянская Е.Н. Психологические характеристики студентов с разными типами карьерных предпочтений // Профессиональное самосознание и экономическое поведение личности: труды третьей Международной научной интернет-конференции (март–июнь 2009 г.) / отв. ред. М.Ю. Семенов. – Омск: Полиграфический центр КАН, 2009. – С. 248–264.
18. Новоселова Л.А. Активизация профессионального становления студентов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Кемерово, 2005. – 12 с.
19. Осипова Т.П. Формирование готовности студентов к профессиональному самосовершенствованию // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль, 2011. – С. 150–153.
20. Педанова Е.Ю. Выраженность психологических регуляторов профессионального развития как индикатор социально-психологических ресурсов и проблем на этапе профессионального обучения // Профессиональное самосознание и экономическое поведение личности: труды третьей Международной научной интернет-конференции / отв. ред. М.Ю. Семенов. – Омск: Полиграфический центр КАН, 2009. – С. 321–341.
21. Соколов Е.А. Профессиональное становление личности специалиста-гуманитария. – М.: Университетская книга, 2009. – 480 с.
22. Титовец Т.Е. Содержание высшего образования как фактор профессиообразования // Профессиональное самосознание и экономическое поведение личности: труды третьей Международной научной интернет-конференции / отв. ред. М.Ю. Семенов. – Омск: Полиграфический центр КАН, 2009. – С. 341–348.
23. Reid A., Dahlgren L.O., Petocz P., & Dahlgran M.A. Identity and engagement for professional formation // Studies in Higher Education. – 2008. – № 33 (6). – P. 729–742.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ОФИЦЕРОВ

Кирякова Е.А.

Данная статья посвящена теоретическому анализу психологических подходов изучения адаптации у военнослужащих офицеров.

Ключевые слова: профессиональная адаптация, личностный, процессуальный, социо-культурный, мотивационный подходы.

Актуальность. На сегодняшний день современная армия заинтересована в подготовке высококвалифицированных кадров. Научно-теоретическая и практическая подготовка будущих воинов, их индивидуально-психологические качества являются одними из важных составных частей боевого потенциала воюющих сторон, во многом определяющих исход войны. Главным условием для успешного ведения боевых действий является профессиональная адаптация офицеров. В современных условиях реформирования армии на военнослужащих возлагаются большие требования в вооруженной защите Российской Федерации, которые связаны с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе и с риском для жизни. Необходимо учесть тот факт, что люди, поступающие на военную службу, не знают ее специфики. Все чаще офицеры сталкиваются с несоответствием представлений и реальностей о военной службе, не готовы к исполнению своих непосредственных служебных обязанностей или выполняют их в неполном объеме. Не нуждается в доказательстве тот факт, что от адаптации военнослужащего к условиям воинской деятельности зависит успешность этой деятельности, психические состояния, определяющие адекватное поведение, внутренний психологический комфорт, оптимальное взаимодействие с окружающей средой, профессиональные притязания к условиям службы. Иными словами, гарантией успешного прохождения воинской службы в мирное и военное время является устойчивая профессиональная адаптация личности, что дает возможность говорить об актуальности нашего исследования.

Цель исследования: обобщить и выделить психологические подходы к профессиональной адаптации военнослужащих офицеров.

Приступая к изучению проблемы адаптации военнослужащих офицеров к профессиональной деятельности, правомерно затронуть вопрос об адаптации с точки зрения традиционных школ.

В русле психоаналитического подхода проблему адаптации разрабатывали такие ученые, как З. Фрейд, А. Адлер, Г. Гартман.

Психоаналитическое понимание адаптации опирается на представления З. Фрейда, заложившего основы теории адаптации, о структуре психической сферы личности, в которой выделяются три инстанции: инстинкты «Ид», система интериоризованной морали «Суперэго» и рациональные познавательные процессы «Эго». З. Фрейд под адаптацией понимал процесс установления гомеостатического равновесия между личностью и требованиями внешнего окружения (среды). На восстановление приемлемого уровня динамического равновесия, которое увеличивает удовольствие и минимизирует неудовольствие, расходуется энергия, возникающая в Ид [1]. Эго реалистически обращается с основными побуждениями Ид и является посредником между силами, действующими в Ид и Суперэго, и требованиями внешней реальности. Суперэго действует как моральный тормоз или противовес практическим заботам Эго и устанавливает границы подвижности Эго.

Процесс адаптации в психоаналитической концепции можно представить в виде обобщенной формулы: конфликт – тревога – защитные реакции. Социализация личности определяется вытеснением влечения и переключением энергии на санкционированные обществом объекты (З. Фрейд).

Вслед за З. Фрейдом психоаналитическую концепцию адаптации разрабатывал немецкий психоаналитик Г. Гартман.

Г. Гартман признает большое значение конфликтов для развития личности, но он отмечает, что не всякая адаптация к среде, не всякий процесс научения и созревания являются конфликтными. Процессы восприятия, мышления, речи, памяти, творчества, моторное развитие ребенка и многие другие могут быть свободны от конфликтов. Г. Гартман вводит термин «свободная от конфликта сфера Я» для обозначения той совокупности функций, которая в каждую данную

минуту оказывает воздействие на сферу психических конфликтов. Адаптация, согласно Г. Гартману, включает, как процессы, связанные с конфликтными ситуациями, так и те процессы, которые входят в свободную от конфликтов сферу Я [1].

В русле гуманистического подхода критиковалось понимание адаптации в рамках гомеостатической модели и выдвигалось положение об оптимальном взаимодействии личности и среды. Основным критерием адаптированности здесь выступает степень интеграции личности и среды. Целью адаптации является достижение позитивного духовного здоровья и соответствия ценностей личности ценностям социума. При этом процесс адаптации не есть процесс равновесия организма и среды [27].

В основе концепций этого направления лежит понятие здоровой, самоактуализирующейся личности, которая стремится к достижению своих жизненных целей, развивая и используя свой творческий потенциал. Равновесие, укорененность в среде уменьшают или совсем уничтожают стремление к самоактуализации, которая и делает человека личностью. Только стремление к развитию, к личностному росту, т. е. к самоактуализации, образует основу для развития и человека и общества.

Бихевиористы под адаптацией понимали процесс изменений (физических, социально-экономических или организационных) в поведении, социальных отношениях или в культуре в целом. Цель этих изменений – улучшение способности выживания групп или индивидов. В данном определении присутствует биологический оттенок, указывающий на связь с теорией эволюции и внимание, преимущественно, к адаптации групп, а не индивида, причем речь не идет о личностных изменениях в ходе адаптации индивида [25].

В русле необихевиористского подхода значительное распространение получило определение адаптации, которое использовалось в работах Г. Айзенка и его последователей Э.Ч. Толмена, Я.Л. Холла. Адаптацию (adjustment) они определяют двояко: а) как состояние, в котором потребности индивида, с одной стороны, и требования среды, с другой, полностью удовлетворены. Это состояние гармонии между индивидом и природной или социальной средой; б) процесс, посредством которого это гармоничное состояние достигается [26].

При изучении видов адаптации выделяют психологическую, психофизиологическую, социально-психологическую, профессиональную и др. В связи с целью нашего исследования мы остановимся на рассмотрении профессиональной адаптации военнослужащих офицеров.

Занимаясь изучением профессиональной адаптации, многие ученые предлагают свое видение данного определения.

По М.А. Кибанову, профессиональная адаптация заключается в активном освоении профессии, ее тонкостей, специфики, необходимых навыков, приемов, способов принятия решений. По его мнению, сложность профессиональной адаптации зависит от широты и разнообразия деятельности, интереса к ней, содержания труда, влияния профессиональной среды, индивидуально-психологических свойств личности [14].

М.А. Дмитриева развивает и конкретизирует понятие психической адаптации, рассматривая проявление этого психологического феномена в профессиональной деятельности. Под психологической профессиональной адаптацией исследователь понимает процесс становления и сохранения динамического равновесия в системе «человек – профессиональная среда». Профессиональная среда включает в себя объект и предмет труда, средства труда, цели и профессиональные задачи, условия труда и социальную среду [12].

А.К. Маркова определяет профессиональную адаптацию как приспособление человека к новым для него условиям труда (ее разновидность – производственная адаптация, как приспособление к условиям конкретного труда в данной производственной группе) [16].

С.Т. Джанерьян понимает под профессиональной адаптацией процесс установления динамического равновесия между человеком и его профессией (включая, ее отдельные стороны) посредством индивидуально своеобразных для человека стратегий [11].

На основе вышеизложенных определений, под профессиональной адаптацией мы понимаем – динамическое равновесие между субъектом и его профессией, которое позволяет достигать результатов деятельности, работая с наименьшими затратами и взаимодействуя с социальной средой без лишнего напряжения.

Анализ работ по военной психологии позволяет выделить основные подходы к изучению особенностей профессиональной адаптации военнослужащих офицеров.

Личностный подход раскрывается в работах, связанных с адаптацией (Н.Н. Белозерова, Ж.Г. Сенокосова, О.А. Ровенских, М.В. Воланена, А.К. Жарова), и позволяет выделить специфические предметы исследований [10, 13, 18, 19, 20, 21, 22]:

- акцентуации характера к экстремальным условиям несения службы;
- способы поведения и формы общения субъекта деятельности;
- требования, установки и ожидания участников адаптивной ситуации в условиях, соответствующих или же напротив, несоответствующих базовым ценностям личности и группы;

- оценочный аспект потенциала военнослужащих в процессе адаптации;
- оценка уровня развития личности;
- формирование личностных смыслов в служебно-боевой деятельности.

Личностный подход предполагает рассмотрение изменения личности под влиянием адаптации.

Процессуальный подход изучался в работах (Н.Н. Белозерова, С.В. Величко, И.В. Соловьева, Л.Г. Шатворяна). Указанный подход позволяет раскрыть следующие закономерности профессиональной адаптации [3, 9, 28]:

- процесс психологической адаптации военнослужащих к службе (психологическая и психофизическая готовность);
- острая психотравматизация в процессе боевых действий;
- становление и развитие личности после выхода на пенсию;
- освоение всего многообразия социальных отношений, связанных с воинской службой;
- факторы, обеспечивающие приспособление в условиях учебной деятельности;
- динамика изменений психического состояния военнослужащего после увольнения.

Процессуальный подход позволяет раскрыть особенности адаптации процесса выполнения деятельности.

Социокультурный подход изучался в работах (С.А. Дружилова, Ю.М. Охотникова, Е.Е. Паршина). Указанный подход позволяет раскрыть следующие предметы исследований [17, 18, 19]:

- особенности, противоречия социокультурной среды, влияющие на адаптационный потенциал уволенных в запас;
- факторы, определяющие взаимодействие полов в армии;
- новые условия к жизни после выхода на пенсию;
- нравственно-патриотическое воспитание курсантов военных училищ;
- влияние культурных норм офицеров в армейской среде;
- влияние гендерных особенностей на службу в армии.

Реализуемый в работах военных психологов социокультурный подход позволяет изучить взаимодействие членов воинского коллектива, культурные нормы, факторы, особенности нравственно-патриотического воспитания военнослужащих.

Мотивационный подход изучался в работах (М.Н. Белозерова, Н.Г. Багдасарьяна, О.А. Ровенских). Указанный подход позволяет раскрыть следующие предметы исследований [2, 3, 20, 21, 22, 23]:

- потребность в кризисных социально-экономических и политических условиях жизни;

- мотивы, побуждающие к службе в армии;
- потребность в профессиональном росте;
- потребность в призвании, связанная с выходом на пенсию.

В работах военных психологов мотивационный подход раскрывает специфику побуждений субъекта к определенным формам активности.

В результате анализа теоретического материала нам удалось установить психологические подходы к изучению особенностей профессиональной адаптации военнослужащих. В рамках личностного подхода обращалось внимание на изучение акцентуаций характера, требований, установок, оценок, способов поведения субъекта в профессии. В рамках процессуального подхода рассматривался процесс, факторы, обеспечивающие приспособление к профессиональной деятельности, а также становление и освоение многообразия отношений, связанных с выходом на пенсию.

В социокультурном подходе изучались культурные нормы, факторы, особенности нравственно-патриотического воспитания военнослужащих. В рамках мотивационного подхода обращалось внимание на изучение мотивов, потребностей в кризисных ситуациях, социальных, политических и экономических условиях жизни.

Основной упор традиционных исследований проблемы профессиональной адаптации военнослужащих делался на изучении курсантов различных военных училищ, либо военнослужащих-контрактников, уволенных в запас. За последние 10 лет в психологических исследованиях недостаточно изучались сравнительные характеристики военнослужащих мужчин и женщин, что позволяет наметить пути дальнейшего эмпирического исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фрейд З. Я и Оно. Труды разных лет: в 2-х т. – Тбилиси: Изд-во Мерани, 1991. – С. 27, 45, 57.
2. Багдасарьян Н.Г. Послемузовские ожидания студенческой молодежи. – М.: Мысль, 1999. – С. 113–119.
3. Белозерова Н.Н. Особенности психологической адаптации военнослужащих к экстремальным условиям несения службы: дис. ... канд. психол. наук. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. – С. 29.
4. Володина Н.В. Адаптация персонала: российский опыт построения комплексной системы. – М.: Эксмо, 2009. – С. 17–18.
5. Величко С.В. Адаптационный потенциал военнослужащих в психологической подготовке к гражданской жизни: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2004. – С. 24–35.
6. Величко С.В. Образование как фактор адаптации военнослужащих к гражданской среде // Труды

- Всероссийской научно-практической конференции: Развивающая личность в системе высшего образования России. – Ростов н/Д: Изд-во ИУБиП, 2002. – Ч. 4. – С. 120–123.
7. Величко С.В. Личностный потенциал как фактор адаптации // Мир человека. Вып. 5: Междунар. сб. научно-практических работ / под ред. В.С. Кукушина. – Ростов н/Д: Изд-во ГинГо, 2003. – С. 25–28.
8. Величко С.В. Об адаптационном потенциале военнослужащих // Материалы Второй Всероссийской Internet-конференции (с международным участием): Потенциал личности: комплексная проблема 17–19 июня 2003 г. / отв. ред. Е.А. Уваров. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – С. 18–22.
9. Величко С.В. О развитии адаптационных возможностей личности // Материалы XLIX научно-технической и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и сотрудников ТРТУ. – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2004. – Спец. выпуск № 1 (36). – С. 145.
10. Воланен М.В. Профессиональная адаптация молодежи // Психология личности и образ жизни. – М.: Наука, 1987. – С. 51–65.
11. Джанерьян С.Т. Методическое пособие к спецкурсу: «Профессиональное развитие личности и ее карьера». – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2006. – С. 20–37.
12. Дмитриева М.А. Профессиональное долголетие // Психологическое обеспечение профессиональной деятельности / под ред. Г.С. Никифорова. – СПб.: Наука, 1991. – С. 37–46.
13. Жаров А.К. Психологические условия профессионального самоутверждения молодых офицеров надводных кораблей: дис. ... канд. психол. наук. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 23.
14. Кибанов А.Я. Основы управления персоналом: учебник. – М.: Экспо, 2005. – С. 59–67.
15. Маклаков А.Г. Военная психология. – М.: Мысль, 1998. – С. 57–59.
16. Маркова А.К. Психология профессионализма. – М.: Наука, 1996. – С. 25.
17. Паршин Е.Е. Межличностные взаимодействия офицеров-подводников проходящих военную службу в условиях боевых действий: дис. ... канд. психол. наук. – Курск: Изд-во КГУ, 1999. – С. 27–29.
18. Ровенских О.А. Влияние гендерной культуры офицеров на адаптацию военнослужащих-женщин в армейской среде // Сорокинские чтения: Социальные процессы в современной России: традиции и инновации. – М.: Изд-во КДУ, 2007. – Т. 5. – С. 302–305.
19. Ровенских О.А. Адаптированность военнослужащих как результат успешного применения педагогической технологии // Инновации в науке и образовании – 2007. – Калининград: Изд-во КГТУ, 2007. – Ч. 2. – С. 265–266.
20. Ровенских О.А. Инновационная педагогическая технология в адаптационном процессе военнослужащих первого года службы // Управление безопасностью мореплавания и подготовка морских специалистов SSN 2007. – Калининград: Изд-во БГА РФ, 2007. – С. 266–268.
21. Ровенских О.А. Гендерные особенности адаптации к профессии // Актуальные вопросы современного военного образования. – Калининград: Изд-во КПИ ФСБ РФ, 2007. – С. 59–61.
22. Ровенских О.А. Профессиональная адаптация молодых специалистов в условиях рыночной экономики // Проблемы педагогики средней и высшей школы. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. – Вып. 4. – С. 30–34.
23. Ровенских О.А. Проблемы социальной адаптации военнослужащих, проходящих службу по контракту // Инновации в сфере профессионального военного образования. – Калининград: Изд-во КПИ ФСБ РФ, 2008. – С. 27–29.
24. Соловьев И.В. Психологическая адаптация военнослужащих внутренних войск МВД России к служебно-боевой деятельности в условиях вооруженного конфликта: дис. ... канд. психол. наук. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – С. 28–57.
25. Торндайк Э., Уотсон Дж.Б. Основные направления психологии в классических трудах. Бихевиоризм. – М.: Мысль, 1998. – С. 25–37.
26. Толмен Э.Ч., Холл Я.Л. Основные направления психологии в классических трудах. Необихевиоризм. – М.: Мысль, 1998. – С. 45–48.
27. Хрестоматия по гуманистической психотерапии. – М.: Экспо, 1995. – С. 37–39.
28. Шатворян Л.Г. Социально-профессиональная адаптация военнослужащих в условиях переходного периода: дис. ... канд. психол. наук. – Ереван: Изд-во ЕГУ, 1999. – С. 25, 26, 57.
29. Military Psychology // Military Psychology: Overview. Retrieved. – 2009. – November 24. – P. 205–207.
30. Freyd Z. The Psychology unconscious // Overview retrieved. – 2003. – P. 20–28.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ УСПЕШНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЁ ПОКАЗАТЕЛИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ

Котенёва Е.Б.

В данной статье раскрывается вопрос о разнообразии проведённых исследований в области успешности профессиональной деятельности человека, рассматривающих факторы, критерии, показатели и взаимосвязь успешности с другими характеристиками личности. В статье также представлены особенности профессиональной деятельности социальных работников, их задачи, функции и личностные качества; результаты исследований успешности профессиональной деятельности социальных работников и её показатели у представителей данной профессии.

Ключевые слова: успешность профессиональной деятельности, критерии успешности профессиональной деятельности, показатели успешности профессиональной деятельности, социальные работники.

Большинство авторов рассматривают понятие «успешность» как личностное свойство и как одну из важнейших характеристик любой деятельности человека, в том числе и профессиональной.

Понятие «успешность» как личностное свойство обозначает устойчивую динамическую систему переживаний индивидом своих достижений в соответствии с самооценкой личности и её уровнем притязаний. Под влиянием успешности у индивида происходит полноценное развитие его личности, расширение и совершенствование системы её социальных связей и социально-психологических отношений, идентификация личности со своей профессиональной деятельностью [1].

Понятие «успешность профессиональной деятельности» определяют как совокупность психологических и психофизиологических особенностей, необходимых человеку для достижения эффективности, результативности и продуктивности труда при наличии необходимых знаний, умений и навыков [4].

Проблема успешности профессиональной деятельности исследовалась в работах Н.А. Батурина, А.С. Белкина, Н.И. Бережной, С.Т. Джанерьян, Е.В. Желтовой, Е.М. Ивановой, О.Н. Родиной, Д.В. Теленкова, В.А. Шаповаловой и др.

К критериям успешности профессиональной деятельности в первую очередь относят внешний и внутренний критерий [21, 29].

Внешний критерий успешности профессиональной деятельности определяется объективной оценкой, даваемой профессионалу его руководителем, коллегами, подчинёнными, членами его семьи и другими значимыми для него людьми. Основываясь

на этом критерии, об успешности профессиональной деятельности специалиста можно судить по стабильности его работы, достигнутому статусу в профессиональной среде, доходу, который приносит занимаемая им должность.

Внутренний критерий определяется субъективной оценкой, возникающей в результате соотнесения вознаграждения за труд с представлениями личности о результативности своего труда, об особенностях своего взаимодействия с коллегами, а также с мотивационно-оценочными структурами личности и затратами на достижение результатов труда. Здесь успешность профессиональной деятельности специалиста выражается в его удовлетворённости своей профессиональной деятельностью, положительном оценивании своих достижений и результатов деятельности. Кроме того, успешность профессиональной деятельности специалиста влияет на его общую удовлетворённость жизнью, а восприятие своих достижений как успешных или неуспешных служит решающим фактором формирования мотивации к деятельности, профессиональной идентичности и становления специалиста как профессионала своего дела [11].

В соответствии с выделенными критериями выделяют показатели успешности профессиональной деятельности специалиста. Для объективной оценки успешности профессиональной деятельности важными показателями выступают:

- результативность деятельности [21];
- производительность, выраженная в качестве и количестве продукции (предоставляемых услуг);
- скорость выполнения профессиональных действий;

- безошибочность [27];
- продуктивность [14];
- эффективность взаимодействия с коллегами [2, 21];
- перспективность;
- оптимальность затрачиваемых усилий для достижения поставленных и решаемых в ходе профессиональной деятельности задач;
- рациональность способов и приёмов, используемых для достижения поставленных и решаемых в ходе профессиональной деятельности задач;
- активность и самостоятельность деятельности со стороны специалиста [24];
- инициативность, проявляемая специалистом в профессиональной деятельности [21].

Для субъективной оценки успешности профессиональной деятельности характерны такие показатели, как:

- достижение сотрудником значимой для него профессиональной цели и преодоление препятствий на пути к ней [17];
- удовлетворённость процессом и результатом своей профессиональной деятельности [10];
- повышение своего профессионального статуса и улучшение качества жизни [6];
- вознаграждение, выраженное в материальном плане, продвижении по службе, приобретении статуса в обществе [21] и др.

В качестве факторов, влияющих на успешность профессиональной деятельности, в отечественной и зарубежной психологии представлены:

- внешние условия, к которым можно отнести климатические факторы, условия и организацию труда, психологическую обстановку в коллективе, материальное обеспечение рабочего места специалиста [24] и т.д.;
- индивидуально-психологические особенности личности, включающие мотивацию к деятельности, когнитивные и моторные свойства, знания, умения, навыки, способности, функциональные состояния, содержание смысложизненных ориентаций, ценностей, уровень притязаний, профессиональную направленность отношения к профессии, уровень развития интеллекта, высокий творческий потенциал, коммуникативную и социальную компетентность [7, 8, 21] и т.д.

На основе теоретического анализа научных работ можно проследить взаимосвязь успешности профессиональной деятельности с позитивными моделями жизнедеятельности и карьеры, психологическим здоровьем специалиста [8], уровнем его стрессоустойчивости [4], индивидуальными особенностями личности [3], общекультурной компетенцией [20], мотивационно-потребностной сферой личности [5], нормативно-ценностными ориентациями [9], социально-психологическими факторами [12].

О взаимосвязи успешности профессиональной деятельности специалиста и его отношения к ней в своих трудах писали В.С. Мерлин и В.Н. Мясичев. Согласно их взглядам, успешность формируется при условии активного положительного отношения индивида к своей деятельности [15, 16].

Вопрос о взаимосвязи успешности профессиональной деятельности и отношения к ней пока ещё мало изучен. Но на основе немногочисленных исследований, изучающих не только профессиональную, но и учебную деятельность студентов, можно сделать вывод о том, что отношение к деятельности оказывает непосредственное влияние на успешность этой деятельности [23].

В нашем исследовании изучается профессиональная деятельность социальных работников.

Социальные работники – представители особой, деликатной и гуманной профессии. Они выступают в роли посредника между государством и человеком (группой людей). Деятельность социальных работников направлена на оказание помощи человеку, семье, группе лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, посредством материально-финансовой, морально-правовой поддержки, консультирования и обслуживания.

Теоретико-методологические аспекты социальной работы как научной теории, учебной дисциплины и профессиональной деятельности нашли отражение в исследованиях А.Г. Асмолова, И.А. Зимней, В.А. Мальцева, П.Д. Павлénка, Ш. Рамона, Р. Сари, Н.Б. Шмелёвой и др.

В работах этих авторов выделены основные компоненты, характеризующие деятельность социальных работников: объект, субъект, содержание, функции, средства, цели, управление и ценности.

В качестве объекта социальной деятельности выступают отдельные личности и группы, нуждающиеся в посторонней помощи. Это пенсионеры, инвалиды, люди, попавшие в беду, испытывающие сильный стресс, матери и отцы, воспитывающие в одиночку детей, дети-сироты, лица с девиантным поведением, безработные, беженцы, военнослужащие из «горячих точек» [13], а также их сферы жизнедеятельности (производство, городские и сельские формы расселения, здравоохранение, образование, культура, силовые структуры общества, культурно-досуговая, социально-этническая и сфера бытового обслуживания) [28].

Субъектом социальной работы являются государство со своими структурами, благотворительные организации и учреждения, профессиональные социальные работники и люди, оказывающие помощь по собственному желанию и инициативе [13].

К функциям социальной работы относятся: информационная, диагностическая, прогностическая,

организационная, психолого-педагогическая, управленческая и оказание практической помощи [19].

Основной целью деятельности социальной организации является оказание государственных услуг в целях обеспечения реализации полномочий органов государственной власти в сфере социальной защиты [26]. Отсюда вытекают задачи профессиональной деятельности социальных работников:

- оказание семьям, детям и отдельным гражданам, попавшим в трудную жизненную ситуацию, помощи в реализации их законных прав и интересов;
- содействие в улучшении их материального и социального положения, а также психологического статуса;
- участие в работе по профилактике безнадзорности несовершеннолетних, защите их прав [22, 26].

Основными видами деятельности социальных организаций являются: социально-бытовые, социально-медицинские, социально-психологические, социально-педагогические, социально-экономические и социально-правовые услуги [26].

Социальная работа относится к тем видам профессиональной деятельности, где наряду с профессиональными знаниями и навыками большую роль играют личностные качества специалиста. На основе этого изучались профессионально-личностное развитие социальных работников [28], их конкурентоспособность [25], система ценностей [13], личностно-профессиональное становление [24], стратегии борьбы с эмоциональным выгоранием [18].

Ряд авторов выделяют компоненты личности социальных работников, способствующие эффективности их профессиональной деятельности: профессиональное самосознание, социальную активность, готовность и систему ценностей [28]. В ходе исследований по выявлению доминирующих у социальных работников ценностей были выделены общечеловеческие ценности, к которым относятся: забота о ближнем, гуманное и справедливое отношение к людям [28], самоопределение в профессии и личности [18], стремление к социальным изменениям, к социальной справедливости, готовность действовать от имени подопечного [25] и др.

Проведено очень мало теоретических и эмпирических исследований, изучающих успешность профессиональной деятельности специалистов социальной сферы, не определены критерии оценки профессиональной успешности социальных работников [24].

В работе М.В. Теплинских малоизученность проблемы успешности профессиональной деятельности социальных работников объясняется тем, что в качестве одного из критериев успешности профессио-

нальной деятельности в обществе выступает стереотип о материальном преуспевании специалиста в профессиональной деятельности, достичь которого социальным работникам практически невозможно. Вследствие этого у социальных работников незначительно выражено стремление к профессиональной реализации и характерно проявление синдрома эмоционального выгорания [24].

Под успешностью профессиональной деятельности социальных работников мы будем понимать устойчивую динамическую систему субъективных и объективных оценок деятельности социального работника, основанных на продуктивности, результативности, качестве, скорости и безошибочности предоставляемых услуг, а также на самооценке и уровне самореализации личности.

Ряд авторов, коснувшихся вопроса об успешности профессиональной деятельности социальных работников, делают вывод о том, что успешность в этой профессиональной сфере в основном определена индивидуально-психологическими факторами, которые выражены в наличии у социального работника необходимых профессионально значимых качеств, сформированной системы ценностей, имеющей профессиональную направленность [13], целеустремленности, уверенности в своих силах и активном отношении к своей профессиональной деятельности [24].

К необходимым профессионально значимым качествам, определяющим успешность работников социальной сферы, относят: активность жизненной стратегии, мотивацию достижения, креативность, активную жизненную позицию, толерантность, владение эффективными стратегиями совладания, позитивное мышление, стремление к саморазвитию, внутреннюю свободу и компетентность [24].

В результате проведенного теоретического анализа научной литературы в области успешности профессиональной деятельности мы видим, что успешность профессиональной деятельности зависит от продолжительности деятельности, от её характера, здоровья специалиста, его личностных особенностей, уровня образования, от отношения специалиста к своей профессиональной деятельности. На основе этого мы можем выделить показатели успешности профессиональной деятельности социальных работников. К ним относятся:

- безошибочность в предоставлении услуг;
- соответствие выполняемого количества услуг нормативным показателям;
- минимальное количество прогулов и опозданий на работу, жалоб и административных взысканий со стороны руководства;
- соответствие выполняемых услуг годовому плану учреждения;

- наличие дополнительных дипломов и сертификатов за счёт посещения семинаров и курсов по повышению квалификации;
- знание и ориентировка в государственных законах и новых постановлениях;
- преобладание благодарственных отзывов над жалобами от клиентов за предоставленные услуги;
- участие в городских и районных конкурсах и грантах, связанных с профессиональной деятельностью;
- наличие грамот, дипломов, благодарственных писем, а также дополнительные выплаты, премии к заработной плате со стороны руководства за добросовестное выполнение трудовых обязанностей;
- наличие постоянных клиентов.

Из представленных показателей наиболее значимыми, по мнению руководителей социальных организаций г. Азова Ростовской области («Центр социальной помощи семье и детям – Дом семьи г. Азова», Центр занятости населения г. Азова, Центр социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов г. Азова, Азовский детский дом-интернат для умственно отсталых детей, Образовательная школа-интернат № 10), являются знание и ориентировка в государственных законах и новых постановлениях РФ, а также безошибочность и качество в предоставлении услуг.

Итак, в настоящее время вопрос об успешности профессиональной деятельности социальных работников практически не исследован. На основе проведённого теоретического анализа эмпирических работ мы можем говорить о взаимосвязи успешности профессиональной деятельности социальных работников с их личностными особенностями, профессионально значимыми качествами и системой ценностей. В соответствии с особенностями профессиональной деятельности и преобладающими ценностями социальных работников нами выделены показатели успешности их профессиональной деятельности. Учитывая тот факт, что отношение к деятельности оказывает непосредственное влияние на успешность этой деятельности, мы можем предполагать о существующей взаимосвязи отношения к профессиональной деятельности и её успешностью у социальных работников.

В перспективе нашего исследования лежит дальнейшее изучение успешности профессиональной деятельности социальных работников, выявление соотношения успешных и неуспешных социальных работников, реализующих различные типы ценностно-смысловых отношений к выполняемой ими деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцыферова Л.И. О динамическом подходе к психологическому изучению личности // Психологический журнал. – 1981. – Т. 2. – № 2. – С. 8–18.
2. Астапенко Е.В. Субъективные акмеологические детерминанты в условиях эффективной профессиональной деятельности менеджеров: автореферат дис. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2011. – 23 с.
3. Баринов В.В. Влияние индивидуальных особенностей личности баскетболиста на успешность соревновательной деятельности: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2001. – 171 с.
4. Бережная Н.И. Психофизиологические и психологические факторы профессиональной успешности оперативных сотрудников таможенных органов: автореферат дис. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2005. – 24 с.
5. Демиденко Н.Н. Мотивационно-потребностная сфера личности как компонент психологической готовности и её влияние на успешность педагогической деятельности: дис. ... канд. психол. наук. – Тверь, 1996. – 202 с.
6. Деркач А.А., Селезнёва Е.В. Акмеологическая культура личности: содержание, закономерности, механизмы развития. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2006. – 496 с.
7. Джанерьян С.Т. Психологические факторы успешности деятельности инструктора летной подготовки: автореферат дис. ... канд. психол. наук. – Л., 1989. – 15 с.
8. Желтова Е.В. Психологические детерминанты успешности профессионального становления студентов вуза: автореферат дис. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2008. – 23 с.
9. Захарова Е.Я. Влияние нормативно-ценностных ориентаций педагогов на успешность их деятельности: автореферат дис. ... канд. пед. наук. – Л., 1989. – 16 с.
10. Зеер З.Ф. Психология профессий. – М.: Академический проект, 2003. – 330 с.
11. Иванова Е.М. Психология профессиональной деятельности. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 382 с.
12. Клейменова Ю.Э. Влияние социально-психологических факторов на успешность карьеры в малом бизнесе: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2007. – 184 с.
13. Мальцев В.А. Система ценностей социального работника и психологические основания её эффективного становления: дис. ... канд. психол. наук. – Кемерово, 2001. – 178 с.
14. Мацкевич О.А. Взаимосвязь индивидуально-психологических особенностей сотрудников рекламного агентства с продуктивностью их

- профессиональной деятельности: автореферат дис. ... канд. психол. наук. – М., 2009. – 24 с.
15. Мерлин В.С. Структура личности: характер, способности, самосознание: учебное пособие к спецкурсу «Основы психологии личности». – Пермь: ПГПИ, 1990. – 110 с.
 16. Мясищев В.Н. Психология отношений. – М.: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. – 400 с.
 17. Николаев А. Что изменил во мне успех? // Психология. – 2007. – № 12. – С. 56–61.
 18. Обучение практике социальной работы. Международный взгляд и перспективы / пер. с англ. Ю.Б. Шапиро / под ред. М. Доэла, С. Шардлоу. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 223 с.
 19. Павлёнок П.Д. Введение в профессию «Социальная работа»: курс лекций. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 174 с.
 20. Петров А.А. Общекультурная компетенция и её влияние на успешность педагогической деятельности: на примере учителей естественно-математических предметов: дис. ... канд. пед. наук. – Пенза, 1999. – 191 с.
 21. Родина О.Н. О понятии «успешность трудовой деятельности» // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. – 1996. – № 3. – С. 60–67.
 22. Структура государственного бюджетного учреждения социального обслуживания населения Ростовской области «Центр социальной помощи семье и детям – Дом семьи г. Азова».
 23. Теленков Д.В. Влияние отношения к учебной и спортивной деятельности на их успешность у студентов вузов физической культуры: автореферат дис. ... канд. психол. наук. – СПб, 2009. – 24 с.
 24. Теплинских М.В. Успешность профессиональной деятельности специалиста социальной сферы // Ползуновский вестник. – 2006. – № 3. – С. 252–257.
 25. Фирсов М.В., Шапиро Б.Ю. Психология социальной работы: содержание и методы психосоциальной практики: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Академия, 2002. – 192 с.
 26. Устав государственного бюджетного учреждения социального обслуживания населения Ростовской области «Центр социальной помощи семье и детям – Дом семьи г. Азова».
 27. Шаповалова В.А. Индивидуальная профессиональная успешность менеджеров энергетического комплекса: автореферат дис. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2009. – 23 с.
 28. Шмельёва Н.Б. Формирование и развитие личности социального работника как профессионала: учебное пособие. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2004. – 196 с.
 29. Super D. The Psychology of Careers. An introduction to vocational development. – N.Y., 1975. – 347 p.

**ВЛИЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ
НА СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗДОРОВЬЕ****Шинкаренко М.В.**

В статье рассматривается влияние профессионального выбора человека на социальное представление о здоровье. Приводятся примеры разных подходов к осмыслению здоровья у людей гуманитарной или технической направленности. Особое внимание уделено изучению представлений о здоровье у работников в области здравоохранения, так как в нашей стране весьма высоким является уровень заболеваемости в профессиональной группе врачей. Отмечается игнорирование врачами принципов здорового образа жизни из-за отсутствия психологической направленности на сохранение и оптимизацию собственного здоровья.

Ключевые слова: здоровье, профессия, социальные ценности, внутренняя картина здоровья, трудовые ресурсы, профессиональная ориентация.

Наблюдения и эксперименты давно позволили медикам и исследователям разделить факторы, влияющие на здоровье человека, на биологические и социальные. Подобное деление получило философское подкрепление в понимании человека как биосоциального существа.

Ю.П. Лисицын [5], рассматривая факторы риска здоровья, указывает на вредные привычки (курение, потребление алкоголя, неправильное питание), загрязнение среды обитания, а также на «психологическое загрязнение» (сильные эмоциональные переживания, дистресс) и генетические факторы. Принимая во внимание, что люди проводят на работе большую часть времени, стоит обратить внимание на вопросы связанные с сохранением осмысленного баланса между профессиональной деятельностью и здоровьем персонала.

В условиях сниженного воспроизводства трудовых ресурсов в нашей стране и всевозрастающих временных и финансовых затрат на подготовку высококвалифицированных специалистов, сохранение здоровья работников и продление их профессионального долголетия, становится приоритетной государственной задачей, тесно связанной с экономическим ростом страны. Состояние здоровья работающего населения России имеет тенденцию к ухудшению. Социальная напряженность, непредсказуемость экономической ситуации, усиление конкуренции за рабочие места приводят к таким негативным последствиям, как неудовлетворенность трудом, снижение трудовой отдачи, формирование психоэмоционального стресса, и способствует ухудшению здоровья.

Характеристики современных представлений о здоровье определяются спецификой порождающих их социальных групп, различающихся по профессиональным и демографическим показателям. В социальных представлениях о здоровье и здоровом человеке выявляются устойчивые эталонные основания, которые определяют структуру и специфику этих представлений, их поле и семантический состав.

В настоящее время здоровье, являясь важнейшей характеристикой качества трудового потенциала, становится наиболее важным критерием эффективности государственного управления. В связи с чем, высока актуальность изучения особенностей внутренней картины здоровья у представителей разных профессий. По определению О.С. Васильевой и Ф.Р. Филатова [2], внутренняя картина здоровья (ВКЗ) – это совокупность когнитивных конструктов – знаний, представлений и описаний здоровья человека, а также мотивационно-ценностной составляющей, эмоциональных переживаний, ощущений и поведенческих реакций, значимо связанных с этими конструктами.

Проводимые кафедрой «Физической культуры и психологии здоровья» ЮФУ [2] исследования социальных представлений о здоровье показали, что социальные представления о здоровье могут включать в себя элементы естественно-научного и гуманитарного знания. Однако эти элементы обеспечивают, отнюдь, не объективность и достоверность представления, но, скорее, его стереотипизацию, сведения к устойчивому шаблону или клеше. Поэтому гуманитарии и медики не столько размышляют о понятии здоровья, сколько пытаются

отыскать соответствующее ему клеше в системе своих профессиональных представлений. А представители физического труда отыскивают телесно ощущаемые аналоги понятия здоровья в сфере своего сенсорного опыта. Представления медиков о здоровье ассоциировались с такими понятиями как: нормальность, адекватность, работоспособность. Педагоги же предпочли характеризовать здоровье как: гармонию, уверенность, уравновешенность, спокойствие. в обоих случаях это делает представление несколько однобокими и неполными: в первом случае – поле представления значительно сужается рамками профессиональных знаний, во втором случае – представление исчерпывается самыми общими показателями физического самочувствия. Таким образом профессиональная ориентация влияет на выбор того или иного типа интерпретации ВКЗ.

В социальных представлениях о здоровой личности выявились значимые полоролевые различия.

Фемининный аспект – быть здоровым, значит иметь здоровый и привлекательный вид, сохранять привлекательность для других людей.

Мускулиный аспект – быть здоровым, значит проявлять активность, бодрость и сохранять работоспособность в реальных социальных условиях [1].

Значимым фактором в конструировании социальных представлений о здоровье является и возраст испытуемых. Так представители студенчества (18–25 лет) акцентируются на социальной успешности и зависимости от социального окружения. Тогда как оценки взрослого населения (от 40 и выше лет) смещаются в сторону духовности, интернальности.

Отмечено также, что люди с гуманитарным образованием (педагоги, психологи) демонстрируют тенденцию оценивать здоровье в его внутриличностном аспекте, рассматривая здоровье, как уравновешенность и внутреннюю гармонию. А медики рассматривают здоровье, опираясь на схему взаимодействия организма со средой (соматический аспект).

В профессиях, связанных с системой отношений «человек-человек», огромное значение имеет ориентация на другого как равноправного участника взаимодействия. Немного существует профессий, где ценностный подход к профессиональной деятельности оказывал бы такое влияние на индивидуальную судьбу профессионала и судьбу другого человека, как профессии медицинских работников, психологов и учителей. Представители этих профессий являются носителями знаний, воплощением нравственных норм, образца поведения, здорового стиля жизни и адекватного отношения к здоровью.

В нашей стране весьма высоким является уровень заболеваемости в профессиональной группе врачей, т. е. людей, которые обладают всеми необходимыми знаниями и умениями для сохранения и возвращения

здоровья и по долгу своей службы должны нести людям здоровье.

Гиппократ (460–377 гг. до н. э.) – великий древнегреческий врач, врач в 14-ом поколении, реформатор и основоположник научной медицины указывал: «Врач исцелился сам!» [3]. Следовательно, врач должен быть сам здоров соматически и психически и быть примером для своих пациентов, их надеждой на обязательное выздоровление, поскольку только здоровый врач способен реально помочь больному человеку. В далеком прошлом существовали даже этические критерии, касающиеся здоровья врача. По этим критериям страдающий болезнями врач не имел морального права лечить больных.

В настоящее время отмечается игнорирование врачами принципов ЗОЖ для себя лично из-за отсутствия психологической направленности на сохранение и оптимизацию собственного здоровья по ряду нижеследующих причин.

1. Современный стремительный ритм жизни, в котором отсутствуют факторы естественным образом поддерживающие здоровье человека: систематические физические нагрузки, натуральное питание, воздействие естественных природных факторов на организм.
2. Сформировавшаяся в последние годы психологическая настроенность на фармакологические препараты, как на единственный способ профилактики и лечения любых заболеваний.
3. Психологическая настроенность на лекарственные препараты, как и на основной фактор здоровья, приводит к игнорированию рекомендаций по формированию ЗОЖ.
4. Важнейшим психологическим фактором «фармакологического» мышления врачей является законодательно оформленная приоритетность и стандартизация лекарственной терапии при любых видах соматической патологии и жесткий контроль за их выполнением.

Необходимо также отметить наличие негативных для здоровья факторов, включая профессионально-бытовые, которые имеют место в жизни и работе врачей:

- острые хронические стрессы;
- недостаток физической активности (гиподинамические состояния);
- нерациональное питание;
- вредные бытовые привычки (курение);
- контакт с химическими веществами (дезинфицирующие растворы, лекарственные препараты);
- контакт с людьми и биологическими веществами, являющимися потенциальными источниками инфицирования [6].

Итак, проблема влияния профессии на личность и связанные с этим изменения имеют огромное

значение в теоретическом и практическом плане, так как гармоничные взаимоотношения профессии и личности человека – это залог здорового общества. Вероятно, необходимо сформулировать в наши дни «здоровотворящую» этику врача:

- благоговейное отношение к делу, которому он служит – оздоровление людей не только в физическом, но и в духовном отношении;
- врач сам должен стремиться быть здоровым, глубоко знать и соблюдать принципы ЗОЖ для себя лично и постоянно пропагандировать их для населения;
- помимо острых и неотложных состояний назначать любые медицинские препараты только после того, как использовал все возможности применения принципов ЗОЖ и немедикаментозных принципов лечения [4].

В анализе ВКЗ для представителей технических профессий характерно стремление делегировать ответственность за свое здоровье внешним обстоятельствам. Факторами, повышающими риск здоровья у этой группы, являются следующие.

1. Несоответствие профессии полученному образованию.
2. Несоответствие квалификации, сложности выполняемых работ.
3. Неудовлетворенность трудом.
4. Неблагоприятный психологический климат в коллективе.
5. Наличие личностных конфликтов в важных жизненных сферах.

Отмечается также распространенность среди них моделей поведения направленных на эксплуатацию здоровья, то есть сознательно и систематически подвергающих организм сверхнормативным нагрузкам и вредным воздействиям. Все это лишает человека возможности восстанавливать силы, приводит к длительному эмоциональному напряжению, хронической усталости и уменьшает качество жизни. Спектр ценностных ориентаций этих работников демонстрирует преобладание низших ценностей над высшими. Ведущие места в структуре жизненно важных ценностей занимает здоровье и материально обеспеченная жизнь, что объясняется необходимостью думать о здоровье, как о некоем капитале, позволяющим выйти вперед в конкуренции за материально обеспеченную жизнь. Такое изменение ценностных ориентаций и девальвация высших ценностей способна поставить под угрозу возможность устойчивого развития личности профессионала.

В настоящее время в условиях политического и экономического кризиса отмечается, что социальные представления о здоровье являют собой своеобразные модификации адаптационного эталона. Видимо в обществе, где адаптация сводится

к выживанию, эталон здоровья воспринимается как труднодостижимый идеал, а собственное актуальное состояние здоровья преимущественно оценивается как дефицитарное. Это дефицитарность в восприятии здоровья наиболее четко выражена у респондентов, которые продемонстрировали низкий уровень интеральности (или личной ответственности) в отношении к своему здоровью. В условиях длительного стресса проявляются индивидуальные различия резистентности к нему, в зависимости от параметра интернальности / экстернальности личности. Психологические исследования показали, что резистентность значительно выше у людей интернального типа и ниже у экстерналов. Способы адаптации и преодоления стресса у первых, т.е. интерналов, носят более конструктивный характер, а у вторых могут строиться по типу отказа от активного и конструктивного преодоления ситуации («будь что будет»). Другим важным условием стрессоустойчивости и состояния здоровья является общая мотивационная направленность личности, ее доминирующая ориентация – либо личностно-карьерная («на себя»), либо социально-профессиональная («на дело»).

Обращает на себя внимание скудность представлений о ЗОЖ. Акцент делается на улучшение физического состояния и достижение телесного комфорта. И здоровье, чаще всего, оценивается не как постоянная характеристика личности, а как особенное состояние, которое может быть достигнуто лишь при наличии благоприятных внешних условий.

Таким образом, профессиональные, гендерные и другие социальные установки действуют в качестве «фильтров модуляторов», выделяя вполне определенные семантические признаки в общем массиве значений ВКЗ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багрунов В.П., Тюрин Т.Т. Полоролевые различия в психике человека // Наука и техника. – Рига, 1980. – № 10. – С. 16–19.
2. Васильева О.С., Филатов Ф.Р. Психология здоровья. Феномен здоровья в культуре, психологической науке и бытовом сознании. – Ростов н/Д: ООО «Мини Тайп», 2005. – 480 с.
3. Гиппократ. О здоровом образе жизни. – Минск, 1998. – 139 с.
4. Кузнецова Е.А. Валеологическое сопровождение студентов медицинских колледжей как условие сохранения индивидуального здоровья в процессе профессиональной подготовки и дальнейшей трудовой деятельности // Психология здоровья: новое научное направление: материалы круглого стола с международным участием. – СПб.: СПбГИПР, 2009. – 454 с.

5. Лисицын Ю.П. Образ жизни и здоровье населения. – М., 1982. – 40 с. 6. Прохоров В.Н. Психосоматические и соматические проблемы здоровья врачей //	Психология здоровья: новое научное направление: материалы круглого стола с международным участием. – СПб.: СПбГИПСР, 2009. – 454 с.

Бзезян А.А.

Статья посвящена рассмотрению дискриминации на основе внешнего облика (лукизм), в связи с исследованием этнической дискриминации. Выделяются показатели дискриминации на основе внешнего облика, а также факторы, оказывающие влияние на выраженность дискриминационного отношения. Обозначается набор методов, позволяющий изучать феномен лукизма в контексте этнической дискриминации.

Ключевые слова: дискриминация, лукизм, внешний облик, этническая дискриминация.

Проблема дискриминации, являясь объектом внимания многих гуманитарных наук, стоит особенно остро в юридических и экономических науках, где она четко связана с нарушением прав людей, лишением или ущемлением данных прав из-за принадлежности к определенной социальной группе. В качестве оснований дискриминации чаще всего выделяют такие признаки как пол, раса, этнос и вероисповедание [1, 8, 9]. На базе этих критериев рассматривают следующие виды дискриминации: гендерная, расовая, этническая, религиозная. Как подчеркивает А.В. Микляева, данные виды дискриминации в отечественных исследованиях описаны наиболее полно [4], однако они не исчерпывают всех существующих видов дискриминации. В своей работе она изучает возрастную дискриминацию («ageism»), рассматривая категорию «возраст» как регулятор взаимодействия в целом и как основание для дискриминации в частности [4].

Среди отечественных исследований можно встретить работы, посвященные дискриминации на основании совершенно разных признаков. Так, в исследовании В.П. Позднякова и В.Л. Хромовой, была выявлена аутистическая дискриминация по отношению к курящим людям, где некурящие мужчины переносили негативную оценку на личность курящих людей [7]. Или, например, в исследовании Е.А. Дубицкой, в котором изучаются особенности стигматизации лиц больных депрессией различными группами общества, большинство лиц, страдающих депрессией, полагало, что права больных часто ущемляются и отношение к ним, во многом, предвзятое и негуманное [2]. Сексуальная ориентация также может выступать основанием для дискриминации [3].

Теоретический анализ имеющихся работ по проблеме дискриминации личности и группы, позволяет говорить о том, что к традиционным видам дискриминации

(гендерная, расовая, этническая, религиозная) добавляются другие виды дискриминации: возрастная, профессиональная, дискриминация, основанная на различии культур и культурных ценностей, и т.д. Также расширяются сферы проявления дискриминации, например, образование, семья.

В последнее время, в научной литературе особое внимание уделяется такому виду дискриминации, как «лукизм» (lookism) – преследование человека на основе его внешнего облика. Традиционным является рассмотрение внешнего облика как регулятора системы отношений личности. Однако проблема внешнего облика человека как пускового механизма дискриминационного отношения к другому еще изучена недостаточно.

Появление термина «дискриминация» (от лат. «discriminatio» – различие) в научном дискурсе в 1830 г. связано с именем Томаса Райса, который ввел данный термин в контексте изучения расовых предрассудков, для обозначения поведенческого компонента последних [12]. Несмотря на наличие большого количества современных работ, в которых рассматривается проблема дискриминации, определение самого понятия дискриминации является простым и, как правило, сводится к трактовке дискриминации как *определенного поведения* (Д. Майерс, Д. Мацумото, Р. Чалдини, Д. Кенрик, С. Нейберг, С.В. Гуцунаева). Д. Майерс уточняет данное понятие как «неоправданно негативное поведение по отношению к группе или ее членам» [6, с. 447]. В этом контексте акцент ставится на эмоционально-окрашенном установлении различий между собственной и чужой группами и обобщенно дискриминация определяется как негативное поведение по отношению к другим людям, даже в том случае, когда речь идет о «положительной дискриминации».

В целом, в контексте социальной психологии, дискриминацию можно рассматривать как разновидность отношения к другому человеку или группе лиц, которое проявляется в определенном негативном поведении, ведущем к притеснению, преследованию и т.д. Дискриминационное отношение это совокупность отношений, таких как: неприятие, неуважение, враждебность, агрессивность, которые актуализируются на основе пола, возраста, расы, этно-культуры, внешнего облика человека и группы. В качестве субъекта дискриминационного отношения может выступать как отдельный человек, так и группа лиц. В контексте социальной психологии можно говорить о дискриминационных *взаимоотношениях*, возникающих, например, на базе феномена гендерной ассиметрии, статусных полномочий, ограниченных возрастом, или на основе внешнего облика, существенно отличающего одну группу лиц от другой.

Несмотря на очевидность подхода к дискриминации как разновидности отношения к другому человеку и группе лиц, до настоящего времени четко не определены компоненты дискриминационного отношения к другому на основе его внешнего облика с позиций теоретического подхода, разработанного В.Н. Мясичевым. В соответствии со структурой отношений, выделенной В.Н. Мясичевым [5], структура дискриминационного отношения к другому на основе его внешнего облика включает три компонента: когнитивный (образы, представления, стереотипы, предубеждения), аффективный (степень негативных оценок, выражения чувств) и поведенческий (ограничения, отказ, преследование, лишение прав и т.д.). Показателями дискриминации на основе внешнего облика таким образом выступают:

- 1) образы, представления, стереотипы, предубеждения;
- 2) степень негативных оценок, выражения чувств и отношений;
- 3) ограничения, отказ, преследование, лишение прав и т.д.

Ядром дискриминационного отношения на основе внешнего облика выступают совокупность отношений, таких как неприятие, неуважение, враждебность, агрессивность, интегрированных посредством взаимосвязей между их компонентами.

Некоторые ученые (например, А.В. Микляева) считают, что социально-психологическим ядром дискриминации выступают *негативные социальные стереотипы* [4]. Негативные социальные стереотипы и отношения к другому лежат в основе социально-психологического ядра любого вида дискриминации. Стереотипы обязательно включают в себя характеристики внешнего облика, а вышеприведенные показатели лукизма присутствуют во всех видах дискриминации. Из этого следует, что дискриминация

на основе внешнего облика (лукизм) не является в полной мере автономным образованием и должна изучаться в контексте с другими видами дискриминации. Исходя из выше сказанного, цель данного этапа настоящего исследования заключается в том, чтобы рассмотреть лукизм в связи с исследованием этнической дискриминации.

Помимо выше перечисленных показателей дискриминации, можно выделить возможные факторы, оказывающие влияние на выраженность дискриминационного отношения: этническая идентичность, уровень этноцентризма, общий уровень толерантности потенциальных субъектов дискриминации, социальная и культурная дистанции между группами, этнический статус воспринимаемой группы и др.

Изучать феномен лукизма в контексте этнической дискриминации можно путем интеграции опросных и психосемантических методов. Проявления дискриминации на основе внешнего облика мы планируем изучать при помощи методики В.А. Лабунской «Оценочно-содержательная интерпретация компонентов внешнего облика» [6, с. 178]. Методика включает 61 утверждение, которые группируются в пять блоков. На основе данной методики определяются:

- 1) оценка своего лица;
- 2) оценка своего телосложения;
- 3) оценка оформления своего внешнего облика;
- 4) оценка выразительного поведения;
- 5) степень принятия своего отраженного внешнего облика;
- 6) оценка соответствия внешнего облика возрасту;
- 7) оценка соответствия внешнего облика гендеру;
- 8) оценка соответствия внешнего облика гендерным ролям;
- 9) оценка соответствия внешнего облика профессиональной роли;
- 10) оценка возрастной привлекательности внешнего облика;
- 11) привлекательность внешнего облика для партнера противоположного пола;
- 12) оценка сексуальности внешнего облика;
- 13) удовлетворенность своим внешним обликом.

Данная методика может быть модифицирована в соответствии с целями исследования.

Для изучения этнической дискриминации могут использоваться следующие методики.

1. С целью изучения склонности к дискриминационному отношению к представителю другой культуры, мы планируем применить опросник, разработанный Д. Неулипом и Д. Мак-Кроски «Оценка уровня этноцентризма» [7].
2. Для определения степени позитивности / негативности, приписываемых личностных качеств, представителю другой национальности примени-

ма методика «Диагностический тест отношений» Г.У. Солдатовой.

3. Для изучения общего уровня толерантности (этническая толерантность, социальная толерантность и толерантность как черта личности) может использоваться экспресс-опросник «Индекс толерантности», разработанный Г.У. Солдатовой, О.А. Кравцовой, О.Е. Хухлаевым и Л.А. Шайгеровой, который позволит исследовать отношение к некоторым социальным группам, коммуникативные установки, склонность к толерантности, либо интолерантности. Имеющаяся в опроснике субшкала: «этническая толерантность» позволяет выявить отношение человека к представителям других этнических групп, а также установки в сфере межкультурного взаимодействия.
4. Для изучения уровня «негативизма» в отношении собственной и других этнических групп, порога эмоционального реагирования на иноэтническое окружение, выраженности агрессивных и враждебных реакций в отношении других групп может быть использована методика «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой. Опросник содержит 6 шкал, соответствующих типам этнической идентичности: 1) этнонигилизм, 2) этническая индифферентность, 3) норма, 4) этноэгоизм, 5) этноизоляция, 6) этнофанатизм. Последние три шкалы представляют собой ступени гиперболизации этнической идентичности, означающей появление дискриминационных форм межэтнических отношений. В межэтническом взаимодействии гиперидентичность проявляется в различных формах этнической нетерпимости: раздражение, возникающее как реакция на присутствие членов других групп, отстаивание политики ограничения их прав и возможностей, агрессивные и насильственные действия против другой группы, геноцида.
5. Для измерения социальной дистанции может быть применена «Шкала социальной дистанции» Э. Богардуса, состоящая из семи суждений, которые отражают различную степень близости или отчужденности между двумя группами людей. Методический набор на данном этапе исследования разрабатывается и дополняется.

Таким образом, перечисленные показатели лукизма, отношение к другому и негативные со-

циальные стереотипы, всегда включающие в себя характеристики внешнего облика, лежат в основе ядра любого вида дискриминации, что позволяет нам рассматривать дискриминацию на основе внешнего облика как не в полной мере автономную и изучать в контексте с другими видами дискриминации, в частности с этнической дискриминацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дьяконов К.Б. Стратегии интеграции и адаптации иммигрантов стран Западной Африки в современном французском обществе: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – М., 2009. – 25 с.
2. Дубицкая Е.А. Стигматизация больных депрессией: автореф. дис. ... канд. мед. наук. – М., 2009. – 20 с.
3. Исаева Е.А. Предотвращение дискриминации в трудовых отношениях: теоретические аспекты и юридическая практика (по опыту США): автореф. дис. ... канд. юридич. наук. – М., 2008. – 26 с.
4. Микляева А.В. Возрастная дискриминация как социально-психологический феномен: монография. – СПб.: Речь, 2009. – 160 с.
5. Мясищев В.Н. Психология отношений. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 356 с.
6. Майерс Д. Социальная психология. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. – 512 с.
7. Позняков В.П., Хромова В.Л. Социально-психологические особенности отношения к табакокурению у курящих и некурящих мужчин и женщин // Знание. Понимание. Умение. Гуманитарная экспертиза. – 2009. – № 1. – С. 196–200.
8. Стукен Т.Ю. Институциональный анализ дискриминации на российском рынке труда // Экономика. – 2008. – С. 141–148.
9. Шолохов И.А. Психологические особенности адаптации учащейся молодежи за рубежом: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2002.
10. Лабунская В.А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности: монография. – Ростов н/Д: Феникс, 2009. – 344 с.
11. Neuliep J.W. and McCroskey J.C. The Development of U.S. and Generalized Ethnocentrism Scale // Communication Research Reports. – 1997. – № 14.
12. Norton W. An Introduction to Sociology: 7th ed. – New York, 2009. – P. 334.

ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ПЕРЕГРУЗКА ИНФОРМАЦИЕЙ

Мертёхин А.А.

В данной статье рассматриваются особенности интернет-аддиктивного поведения, описываются причины и симптомы интернет-зависимости, а также идет речь об информационной перегрузке, анализируются её причины.

Ключевые слова: зависимое поведение, интернет-зависимость, информационная перегрузка, нехимические аддикции.

В связи с возрастающей компьютеризацией и «Интернетизацией» российского общества появилась проблема патологического использования Интернет, за рубежом возникшая еще в конце 1980-х гг. Речь идет о так называемой Интернет-зависимости.

Последние два десятилетия ознаменовались повсеместным распространением Интернета, как в профессиональной, так и обывательской жизни десятков миллионов людей. Через Интернет производятся покупки, происходит общение, получается актуальная информация обо всех аспектах жизни, реализуются сексуальные и игровые пристрастия, а также многое другое.

Интернет-аддикция – феномен психологической зависимости от сети Интернет, который проявляется в своеобразном уходе от реальности, при котором процесс навигации по сети Интернет затягивает субъекта настолько, что он оказывается не в состоянии полноценно функционировать в реальном мире.

В западной научной литературе этот феномен получил название Internet Addiction Disorder (IAD) – «Интернет-аддиктивное расстройство». Безусловно, стремительный рост числа активных пользователей ПК и доступность Интернет-услуг оказывают прямое влияние на степень распространённости этого вида поведенческой аддикции [6].

В самом общем виде Интернет-зависимость определяется как «нехимическая зависимость от пользования Интернетом» [6]. В некоторых психологических словарях Интернет-зависимость определяют как психическое расстройство, навязчивое желание подключиться к Интернету и болезненную неспособность вовремя отключиться от Интернета [2].

Первыми с Интернет-зависимостью столкнулись врачи-психотерапевты, а также компании, использующие в своей деятельности Интернет и несущие убытки в случае, если у сотрудников появляется патологическое влечение к пребыванию в сети онлайн.

Родоначальниками психологического изучения феномена зависимости от Интернета могут считаться два американца: клинический психолог К. Янг и психиатр И. Гольдберг. В 1994 году К. Янг разработала и поместила на веб-сайте специальный опросник. В результате были получены почти 500 заполненных анкет, из которых около 400 были названы, согласно выбранному ею критерию, аддиктами. В середине 90-х гг. прошлого века для обозначения этого явления И. Гольдберг предложил термин «Интернет-аддикция» (современные синонимы: нетаголизм, виртуальная аддикция, Интернет-поведенческая зависимость, избыточное/патологическое использование Интернета и др.), а также набор диагностических критериев для определения зависимости от Интернета. Данный набор критериев построен на основе признаков патологического пристрастия к азартным играм (гемблинга).

Также были выделены некоторые психологические и физические симптомы, характерные для Интернет-зависимости.

Первым психологическим симптомом является хорошее самочувствие или эйфория за компьютером. Вторым симптомом является невозможность остановиться. Третьим симптомом является увеличение количества времени, проводимого за компьютером. Четвертым – является пренебрежение семьей и друзьями. Пятым психологическим симптомом являются ощущения пустоты, депрессии, раздражения не за компьютером. Шестым же выделяется ложь работодателям или членам семьи о своей деятельности. И в завершении линейки симптомов находятся проблемы с работой или учебой.

Физическими симптомами выделяются: синдром карпального канала, сухость в глазах, головные боли по типу мигрени, боли в спине, нерегулярное питание, пропуск приемов пищи, а также пренебрежение личной гигиеной и расстройства сна, изменение режима сна.

Опасными сигналами (предвестниками Интернет-зависимости) являются:

- навязчивое стремление постоянно проверять электронную почту;
- предвкушение следующего сеанса он-лайн;
- увеличение времени, проводимого он-лайн;
- увеличение количества денег, расходуемых на Интернет.

Признаками наступившей Интернет-аддикции являются следующие критерии:

- всепоглощенность Интернетом;
- потребность проводить в сети все больше и больше времени;
- повторные попытки уменьшить использование Интернета;
- при прекращении пользования Интернетом возникают симптомы отмены, причиняющие беспокойство;
- проблемы контроля времени;
- проблемы с окружением (семья, школа, работа, друзья);
- ложь по поводу времени, проведенном в сети;
- изменение настроения посредством использования Интернета [4].

Существует пять основных типов Интернет-зависимости:

1. Обсессивное пристрастие к работе с компьютером (играм, программированию или другим видам деятельности).

2. Компульсивная навигация по WWW, поиск в удаленных базах данных.

3. Патологическая привязанность к опосредованному Интернетом азартным играм, онлайн-аукционам или электронным покупкам.

4. Зависимость от социальных применений Интернета, то есть от общения в чатах, групповых играх и телеконференциях, что может, в итоге, привести к замене имеющихся в реальной жизни семьи и друзей виртуальными.

5. Зависимость от «киберсекса», т.е. от порнографических сайтов в Интернете, обсуждения сексуальной тематики в чатах или закрытых группах «для взрослых» [4].

Известно, что среди Интернет-зависимых людей отмечается более высокий уровень аффективных с преобладанием депрессии и обсессивно-компульсивных расстройств. Корейские исследователи обнаружили у старших школьников с Интернет-аддикцией более частую депрессию с повышенным риском суицида. Изучая личностные особенности с помощью опросника Айзенка у Интернет-зависимых, ученые обнаружили, что интроверты и экстраверты используют разные ресурсы Интернета, при этом у мужчин экстраверсия положительно коррелирует с использованием Интернета «для развлечения»,

а нейротизм отрицательно связан с использованием информационных сайтов. У женщин экстраверсия негативно коррелировала, а нейротизм – положительно связан с использованием информационных ресурсов Интернета. Позже те же авторы установили, что для Интернет-аддиктов, преимущественно женского пола, характерно ощущение одиночества. Они стараются снизить это ощущение, проводя время за общением в чатах. Также выделяются следующие особенности личности Интернет-зависимых лиц: депрессия, одиночество, скромность и самолюбие. Обобщив результаты разных исследований, Н.В. Чудова приводит некоторый список черт Интернет-аддикта. Во-первых, выделяются сложности в принятии своего физического «Я» (своего тела). Во-вторых, заметны сложности в непосредственном общении (замкнутость). В-третьих, реализуется склонность к интеллектуализации, а также чувство одиночества и недостатка взаимопонимания [3].

Феномен Интернет-аддикции представляет собой сборную групп разных поведенческих зависимостей (работогольную, общения, сексуальную, любовную, игровую и т.д.), где компьютер является не объектом, а лишь средством их реализации. Отсюда можно сделать вывод, что Интернет-зависимые пользуются сетью для получения социальной поддержки (за счет принадлежности к определенной социальной группе); сексуального удовлетворения; возможности творения виртуального героя (создания нового «Я»), что вызывает определенную реакцию окружающих, получения признания окружающих. Под социальной поддержкой имеется в виду не просто эмоциональная поддержка, но и ощущение принадлежности к определенной группе людей, установление полезных контактов.

Социальная поддержка в данном случае осуществляется через включение человека в некоторую социальную группу в Интернете. «Как любое общество, культура киберпространства обладает своим собственным набором ценностей, стандартов, языка, символов, к которому приспосабливаются отдельные пользователи» [4].

По мнению Янг, будучи включенными в виртуальную группу, Интернет-зависимые становятся способными принимать больший эмоциональный риск путем высказывания более противоречащих мнению других людей суждений [4]. То есть они оказываются способными отстаивать свою точку зрения, говорить «нет», в меньшей степени боясь оценки и отвержения окружающих, чем в реальной жизни. В киберпространстве можно выражать свое мнение без страха отвержения, конфронтации или осуждения, потому что другие люди являются менее достигаемыми, а также потому, что личность самого человека, выражающего таким образом свое мнение, может быть замаскирована.

В основном те, кто становятся Интернет-зависимыми, меняют свою личность. Это уже не та гармоническая личность, а личность уже аддиктивная. Во-первых, для аддиктов характерна смена аддиктивной реализации. Сегодня он – Интернет-зависимый, завтра – любовный аддикт, послезавтра – патологический игрок, а немного спустя он ушел в наркотики или алкоголизм. Во-вторых, опасность заключается в том, что очень часто, рано или поздно, аддиктивные личности становятся социально дезадаптированными [2].

Так, если сравнивать Интернет-зависимость с другими видами зависимостей, то можно обнаружить достаточное количество общих черт. Большинство терапевтов уже сошлись во мнении, что не Интернет делает человека зависимым, а человек, склонный к зависимости, находит деятельность, которая и становится объектом его собственной зависимости. Некоторые авторы считают, что существует, так называемый, зависимый тип личности, а те люди, которые имеют такие черты, попадают в группу риска. Этими авторами выделяются такие черты как: во-первых, крайняя несамостоятельность, ранимость критикой или неодобрением. Во-вторых, неумение отказать, сказать «нет» из-за страха быть отвергнутым другими людьми. Также к ним относят нежелание брать на себя ответственность и принимать решения, и, как следствие, сильное подчинение значимым людям. Все это характеризует пассивную жизненную позицию, когда человек отказывается первым вступать в контакт с окружающими и самостоятельно принимать решения [4].

Интернет является привлекательным в качестве средства ухода от реальности за счет возможности анонимных социальных интеракций. Особое значение здесь имеет чувство безопасности и сознание своей анонимности при осуществлении интеракций. Во-вторых, это возможность для реализации каких-то представлений, фантазий с обратной связью. И последний пункт – это неограниченный доступ к информации и, как следствие, информационная перегрузка.

Во второй половине XX в. с началом перехода развитых стран к информационному обществу стали проявляться негативные стороны этого процесса, а именно – информационная перегрузка. Также следует отметить то, как возросла скорость доступа к этой информации посредством сети Интернет. Сама же суть перегрузки информацией заключается в следующем: количество поступающей полезной информации превосходит возможности ее восприятия человеком, т.е. человек не способен справляться с информацией в огромных масштабах [5].

Огромное количество информации, произведенной в Интернете, делает его главной причиной

информационной перегрузки. Интернет – это необходимый инструмент для поиска, но изобилие информации, которую вы находите, превосходит все ваши ожидания и запросы, и это скорее уменьшает эффективность поиска.

Основными причинами информационной перегрузки являются: стремительный рост новой информации, которая производится; простота дублирования и передачи данных через Интернет; увеличение доступных каналов входящей информации; большое количество исторических сведений; противоречия и неточности в имеющейся информации; низкое соотношение сигнал / шум; отсутствие метода сравнения и обработки различных видов информации; куски информации не связаны или не имеют общей структуры для выявления их отношений [6].

Современные средства получения информации позволяют уходить от решения личностных проблем, компенсировать личную и житейскую неустроенность. Компенсация происходит мнимая, что только усугубляет проблемы, решения которых пытается избежать человек. Ис этой стороны информационная перегрузка становится явлением в психологическом смысле близким алкоголизму, наркомании и другим формам патологической зависимости.

Иногда, чтобы получить нужные и полезные сведения, необходимо перелопатить большой массив информации. В итоге факты накапливаются, но не усваиваются. Происходит перенасыщение лишней информацией.

Перегрузка информацией возникает не только из-за большого объема потока получаемой информации, но, может быть даже в большей мере, из-за его непредсказуемости. Если информация поступает не в ответ на запрос, а сама находит своего получателя, то, чаще всего, целевой потребитель оказывается не готов к ее восприятию. И информация не только оказывается не воспринятой, но и вносит существенный хаос в представления человека о мире. Именно хаос, отсутствие структуры и вызывает информационное переутомление и, как следствие, Интернет-зависимое поведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Короленко Ц.П. Аддиктивное поведение. Общая характеристика и закономерности развития // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. – 1991. – № 1. – С. 8–15.
2. Чудова И.В. Особенности образа «Я» «жителя Интернета» // Психологический журнал. – 2002. – Т. 22. – № 1. – С. 113–117.
3. Чудова Н.В., Евлампиева М.А., Рахимова Н.А. Психологические особенности коммуникативного пространства Интернета // Медиапсихология. – М., 2001.

4. Янг К.С. Диагноз – Интернет-зависимость // Мир Интернет. – 2000. – № 2. – С. 24–29.
5. Castells M. The Rise of the Network Society // The Information Age: Economy, Society and Culture. – Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 2004. – Vol. I. – P. 1–27.
6. Castells M. (as chief editor). The network society. – Cheltenham; Northampton Edward Elgar, 2004. – 464 p.
7. Griffiths M. Internet addiction: Fact or fiction? // Psychologist. – 1999. – V. 12. – № 5. – P. 246–250.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ И ПРЕДМЕТНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ И СПЛОЧЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ГРУПП

Ульянова Н.Ю.

В статье раскрыты многомерные модели групповой сплоченности и эффективности. Приведены результаты исследования особенностей взаимосвязи видов эффективности и сплоченности, выполненного на выборке производственных групп.

Ключевые слова: групповая эффективность, групповая сплоченность, производственная группа.

Актуальность проблемы эффективности производственных групп на сегодняшний день связана с множеством факторов. Прежде всего, она обусловлена развитием рыночной экономики, главным механизмом действия которой является конкуренция. При этом субъектами рыночных и социальных отношений зачастую являются не индивиды, а разного рода группы – организации, компании, отделы, общества и т. п. Повышение эффективности деятельности этих групп увеличивает их конкурентоспособность, а, следовательно, является одной из основных задач их руководителей.

Результаты деятельности коллективного субъекта не могут быть сведены к сумме индивидуальных результатов активности ее членов, они представляют собой следствие объединения их усилий, опосредованное внутригрупповыми социально-психологическими процессами и феноменами.

Одним из таких опосредующих феноменов является групповая сплоченность. Она является предметом многих социально-психологических исследований, имеющих выраженную прикладную направленность. Зачастую их авторы так или иначе указывают на наличие связи между сплоченностью группы и ее эффективностью, однако работ, детально исследующих их соотношение, на сегодняшний день, по-видимому, не существует. Противоречие между необходимостью изучения взаимосвязи эффективности и сплоченности производственных групп и отсутствием таких исследований в современной социальной психологии определило тему нашего исследования.

В настоящее время сложились два наиболее общих подхода к анализу групповой эффективности. Первый включает в себя исследования, в которых, на основании тех или иных критериев, создаются разного рода концептуальные модели групповой эффективности. Так, например, Д. Кречем,

Р. Кратчфилдом и Э. Беллчи была предложена трехступенчатая иерархическая схема, дифференцирующая переменные групповой эффективности на: независимые, промежуточные и зависимые; Дж. Хэкман описал «трехмерную концепцию эффективности группы», включающую три критерия: оценку результатов деятельности группы, внутригрупповую поддержку, учет и удовлетворение потребностей членов группы, и т. д. [5, 6]. Второй подход заключается в исследовании внешних и внутренних, по отношению к группе, феноменов, так или иначе влияющих на ее эффективность. К нему относятся работы И. Стейнера, Р. Хейсти, Г. Хилла, М. Белбина, Р.С. Немова, Ю.М. Жукова и др. [2, 3].

Анализ групповой эффективности с точки зрения микрогрупповой теории, предложенной А.В. Сидоренковым, предполагает рассмотрение двух аспектов и двух видов эффективности. Под видами эффективности понимаются показатели, относящиеся к предметно-деятельностной и социально-психологической эффективности группы, а под аспектами – потенциальная и реальная эффективность.

Потенциальная эффективность – это «совокупность возможностей (внутренних условий) группы, подгруппы или индивида, которые, в сочетании с внешними условиями и особенностями организации деятельности, обуславливают реальную эффективность этих субъектов» [3, с. 173].

Реальная эффективность – представляет собой «достижение группой, подгруппой, индивидом заданного уровня выполнения целевой функции (или конкретных задач) и построения социальной активности» [там же].

Расхождения реальной и потенциальной эффективности группы во многом определяется процессуальными или производственными потерями.

Предметно-деятельностная эффективность (ПДЭ) имеет место, как правило, в институализиро-

ванных группах и может быть экономической или социальной, что зависит от целевой функции группы. *Социально-психологическая эффективность* (СПЭ) проявляется в сфере межличностных отношений, как непосредственных, так и опосредованных совместной деятельностью. Эта эффективность связана: во-первых, с общим состоянием отношений индивидов в группе и к группе; во-вторых, с психологическим самочувствием и самопроявлением каждого индивида в группе.

Проблема групповой сплоченности на сегодняшний день изучена в несколько большей степени, чем проблема эффективности. Обобщая накопленный теоретический и эмпирический материал, можно выделить три основных подхода к пониманию групповой сплоченности, в зависимости от концентрации внимания на той или иной составляющей групповых процессов: аттрактивный, когнитивный и символично-интерпретативный [1].

В микрогрупповой модели в соответствии с теми сферами активности членов группы, в которых проявляется сплоченность, выделяются два ее вида: предметно-деятельностная и социально-психологическая сплоченность.

Предметно-деятельностная сплоченность понимается как сплоченность членов группы относительно совместной деятельности и представляет собой стремление членов группы объединять усилия, согласованно действовать и содействовать друг другу в процессе деятельности по реализации коллективных целей. В данном аспекте затрагиваются как мотивационные (интересы, цели, стремления членов группы), так и инструментальные (объединение и слаженность усилий, взаимопомощь) стороны групповой активности в сфере реализации целевой функции.

Социально-психологическая сплоченность означает восприятие индивидами единства группы в сфере общения (коммуникации и морально-нравственных поступков), что выражается в стремлении членов группы держаться сообща и поддерживать тесные межличностные связи друг с другом. Акцент в данном понимании сплоченности ставится на уже сложившиеся в группе взаимоотношения ее членов.

Исследование феномена сплоченности, проведенное на выборке производственных групп, показал, что предметно-деятельностная и социально-психологическая сплоченность являются относительно самостоятельными конструктами, отличающимися между собой и от других видов сплоченности [1]. При этом оба вида сплоченности не являются полностью автономными по отношению друг к другу, между ними есть взаимовлияние. Так, усиление или ослабление одного вида сплоченности до некоторой

критической точки вызовет соответствующее значительное изменение другого вида сплоченности. Кроме того, высокий уровень проявления одного вида сплоченности может до некоторой степени компенсировать сниженный уровень другого вида, тем самым обеспечивая некоторую стабильность и результативность группы.

Исходя из приведенных выше представлений об эффективности и сплоченности производственных групп, мы предположили, что оба вида сплоченности напрямую связаны с социально-психологической эффективностью группы, в то время как связь сплоченности с предметно-деятельностной эффективностью носит неоднозначный характер и опосредована значительным количеством внутренних и внешних по отношению к группе факторов.

Цель нашего исследования – изучить характер связи между сплоченностью и эффективностью производственных групп. В качестве объекта исследования выступила малая производственная группа.

Гипотеза исследования. Связь между отдельными видами эффективности и сплоченности производственных групп неоднозначна: показатели связи сплоченности с социально-психологической эффективностью выше, чем показатели ее связи с предметно-деятельностной эффективностью.

Исследование проводилось с помощью трех опросников, каждый из которых позволяет оценить выраженность каждого из видов сплоченности и эффективности: «Методика изучения предметно-деятельностной и социально-психологической сплоченности группы» (А.Л. Мондрус, А.В. Сидоренков), «Методика изучения предметно-деятельностной эффективности группы» и «Методика изучения социально-психологической эффективности группы» (А.В. Сидоренков, Н.Ю. Ульянова). Все они разработаны в рамках микрогрупповой концепции, для каждой методики проведена оценка очевидной, содержательной и дискриминантной валидности, надежности-согласованности и ретестовой надежности, нормальности распределения, а также рассчитаны нормативные данные [1, 4].

Опросник «Методика изучения предметно-деятельностной эффективности группы», помимо интегрального показателя (ПДЭ) включает две субшкалы: «Выполнение плана и решение текущих задач» (ПЗ) и «Деятельность в трудных условиях» (ТУ). Его стимульный материал содержит 6 пунктов в виде утверждений – по три пункта на каждую субшкалу. Опросник «Методика изучения социально-психологической эффективности группы», помимо общего показателя, включает три субшкалы: «Удовлетворенность членов группой и результатами ее деятельности» (У), «Психологический комфорт членов в группе» (К), «Содействие группы личностному и профессиональ-

ному развитию своих членов» (Р). Как и предыдущий опросник, он содержит 6 пунктов в виде утверждений, но по два пункта на каждую субшкалу. Оба опросника созданы на основе порядковой семибалльной шкалы с биполярным принципом упорядочивания признаков.

Выборку нашего исследования составила 21 производственная группа, среди которых 5 групп заняты в сфере непосредственного производства товаров, 8 – в сфере оказания услуг и 8 – в государственно-административной сфере. Общее число респондентов – 187 человек, в том числе 178 рядовых сотрудников и 19 руководителей групп.

По результатам исследования медианное значение показателей предметно-деятельностной эффективности составило 30,5, социально-психологической – 23,43 (при минимально возможном показателе в 6 и максимальном – в 42 балла). Коэффициент дисперсии для ПДЭ: $D[X] = 47,8$, для СПЭ: $D[X] = 28,2$.

В результате сравнения дисперсий с использованием F-критерия Фишера было выявлено, что на статистическом уровне различия незначимы: $F = 1,71$ ($p > 0,05$).

Таким образом, можно судить о том, что показатели предметно-деятельностной эффективности производственных групп варьируются несколько больше, чем показатели социально-психологической эффективности, однако это различие не достигает статистической значимости. С одной стороны, это может быть связано с тем, что оценка социально-психологической эффективности носила усредненный, «сглаженный» характер, так как проводилась рядовыми сотрудниками, в то время как оценка предметно-деятельностной эффективности проводилась руководителями групп: в девяти обследованных коллективах – одним человеком, в одной – двумя. С другой – несколько больший, по сравнению с социально-психологической эффективностью, диапазон показателей предметно-деятельностной эффективности может быть обусловлен различиями в содержании решаемых группой производственных задач и форме организации совместной деятельности, что, в свою очередь, влияет на оценку руководителями успешности группы при выполнении ее целевой функции.

Медианное значение показателей предметно-деятельностной сплоченности исследованных групп составило 18,6 баллов; социально-психологической сплоченности – 19,14 баллов.

Была проведена оценка дисперсии показателей обоих видов сплоченности в исследуемой выборке. Для ПДС значение дисперсии $D[X] = 12,9$; для СПС $D[X] = 17$. Сравнение дисперсий с использованием F-критерия Фишера позволило выявить, что различия между ними статистически незначимы: $F = 1,31$ ($p > 0,05$).

Полученные данные позволяют судить о том, что диапазон значений показателей обоих видов сплоченности в группах различается в небольшой степени: для социально-психологической сплоченности он несколько больше, чем для предметно-деятельностной. Таким образом, сотрудники исследованных коллективов склонны чаще давать усредненные оценки способности членов группы объединять усилия по достижению целей, связанных с основной деятельностью, в то время как сплоченность в сфере общения чаще оценивается как достаточно высокая или достаточно низкая. При этом различия в оценках не носят статистически значимого характера, что свидетельствует о восприятии испытуемыми сплоченности как интегральной характеристики, отражающей разные сферы жизнедеятельности группы.

Установлено, что коэффициенты корреляции между видами сплоченности и эффективностью имеют следующие значения: для СПС и СПЭ: $r = 0,77$ ($p = 0,05$), ПДС и СПЭ: $r = 0,78$ ($p = 0,05$), СПС и ПДЭ: $r = 0,12$ ($p = 0,05$), ПДС и ПДЭ: $r = 0,05$ ($p = 0,05$) (см. таблицу 1). Таким образом, поставленная гипотеза полностью подтвердилась.

Высокий коэффициент корреляции социально-психологической эффективности с обоими видами сплоченности группы показывает, что сплоченность является фактором, в большей степени влияющим на психологический климат, удовлетворенность членов группы и ее содействие в развитии членов группы. Низкий уровень корреляции предметно-деятельностной эффективности группы со сплоченностью может объясняться тем фактом, что ПДЭ опосредуется рядом факторов, как внешних по отношению к группе (условия и организация труда, характер выполняемой деятельности и т.п.), так и внутренних (норма продуктивности, форма совместной деятельности), в то время как сплоченность и социально-психологическая эффективность преимущественно связаны с внутригрупповыми условиями: особенностями коммуникации и межличностных отношений, групповыми целями и ценностями и т.п.

Кроме того, был проведен корреляционный анализ связи каждого из видов сплоченности с показателями предметно-деятельностной и социально-психологической эффективности (табл. 1).

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа связи видов сплоченности с видами и компонентами эффективности группы

	ПДЭ	ПЗ	ТУ	СПЭ	У	К	Р
ПДС	0,05	-0,07	0,15	0,78*	0,49	0,77*	0,74*
СПС	0,12	-0,03	0,22	0,77*	0,49	0,77*	0,72*

Выявлено, что самые низкие показатели корреляции между предметно-деятельностной и социально-психологической сплоченностью и успешностью группы в выполнении текущих задач и плана деятельности. Эти данные свидетельствуют о том, что воспринимаемый членами группы уровень сплоченности фактически влияет на выполнение привычной, рутинной работы, связанной с целевой функцией производственной группы: с одной стороны, успешно справляться с такой деятельностью могут группы как с высоким, так и с низким уровнем сплоченности, а с другой – высокая сплоченность группы не гарантирует ее успешность в повседневной деятельности. Связь между сплоченностью группы и оценкой ее деятельности в затрудненных условиях выражена несколько сильнее, однако остается на низком уровне, что свидетельствует об относительной автономности данных феноменов.

Показатели корреляции компонентов социально-психологической эффективности с каждым из видов сплоченности в целом значительно выше, чем показатели предметно-деятельностной эффективности и сплоченности. Значимая положительная корреляция отмечается между показателями предметно-деятельностной и социально-психологической сплоченности и содействия группы личностному и профессиональному развитию своих членов, что характеризует феномен сплоченности как один из факторов акмеологического роста членов группы. Высокий уровень связи также проявляется между удовлетворенностью членов группы результатами ее деятельности и обоими видами сплоченности, в то время как показатели корреляции между социально-психологическим климатом в группе и обоими видами сплоченности находятся на несколько более низком уровне. Полученные данные свидетельствуют о том, что члены сплоченных групп склонны положительно оценивать собственный коллектив, как в плане настоящего положения дел, так и в перспективе его развития. В то же время, социально-психологический климат в производственных группах формируется под влиянием многих факторов, включающих в себя

личностные характеристики ее членов, характер их взаимоотношений в деловой и социальной сферах, условия деятельности и т.д., и групповая сплоченность не является доминирующим фактором благополучного климата в коллективе.

Подводя итог нашей работы, необходимо отметить, что поставленная нами гипотеза о нелинейном характере связи сплоченности и эффективности производственных групп полностью подтвердилась. Таким образом, сплоченность как групповой феномен в большей степени связан с показателями социально-психологической эффективности группы, в частности, с психологическим комфортом членов в группе и содействием группы личностному и профессиональному развитию своих членов. Связь сплоченности с предметно-деятельностной эффективностью опосредована множеством действующих на группу факторов, что не позволяет однозначно говорить об их взаимовлиянии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мондрус А.Л., Сидоренков А.В. Методики изучения сплоченности малых групп в организации: учебно-методическое пособие. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2011.
2. Немов Р.С. Социально-психологический анализ эффективности деятельности коллектива. – М.: Педагогика, 1984.
3. Сидоренков А.В., Сидоренкова И.И. Эффективность малых групп в организации. Социально-психологические и организационно-деятельностные аспекты. – Ростов н/Д: ИПК ЮФУ, 2011.
4. Сидоренков А.В., Ульянова Н.Ю. Методики изучения эффективности малых производственных групп // Российский психологический журнал. – 2011. – Т. 8. – № 4. – С. 9–16.
5. Krech D., Cruchfield R.S., Ballechey E.L. Individual in Society. – N.Y., 1962.
6. Schwarz R.M. Ground Rules for Effective Groups // Training & Development. – 1994. – V. 8. – P. 45–51.

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТУДЕНТОВ И ПРАКТИКУЮЩИХ ПСИХОЛОГОВ О МОДЕ

Романенко Е. П.

В статье рассматривается содержание, структуры и механизмы формирования представлений о моде. Представлены различия в содержании представлений о моде у студентов и практических психологов. Дан подробный анализ направлений модного поведения в современном социуме. Проанализированы детерминанты возникновения определенных типов представления о моде.

Ключевые слова: мода, представления о моде, психологическая сущность моды, самопрезентация, модное поведение, функции моды.

Развитие гуманистических тенденций, обращение к частной жизни человека, изучению его ценностей и смыслов, потребностей, субъектных детерминант выбора, также способствовало повышению интереса психологов к изучению моды. Сегодня существует и определенный заказ практики на комплексное, глубокое изучение психологической проблематики моды, что связано с развитием возможностей и потребностей человека как потребителя продуктов моды. Более того, обращение к имиджу как неотъемлемой части социального позиционирования человека в социальных интеракциях разного уровня также побуждает исследовать ресурсы и риски моды.

На сегодняшний день выявлены психологические и социальные детерминанты модного поведения особенности влияния определенных индивидуальных характеристик на предпочтения человека. Существует ряд работ, посвященных психологии внешности, психологическим особенностям костюма (В.А. Лабунская, Л.В. Петров, В. Суэми, А. Фернхейм) (2; 3). Вместе с тем наблюдается явный дефицит работ отечественных психологов, предметом изучения в которых выступает мода. Недостаточно исследованы социальные и субъектные представления о моде, которые во многом выступают ее регуляторами и играют значимую роль в конструировании модели взаимодействия субъекта и различных групп с феноменом моды во всех ее проявлениях.

Развиваются новые направления приложения профессиональной компетентности психологов в области рекламы, дизайна, маркетинга потребительского спроса, имиджологии, пиара. В связи с этим возникает необходимость комплексного изучения представлений психологов о моде и уровня понимания психологической сущности моды. Очевидно, что

существующее противоречие между интенсификацией и экстенсификацией модного процесса, расширением влияния моды на конструирование жизненного пути и пространства жизни субъекта и степенью научной исследованности психологических аспектов моды. Кроме того, отсутствуют психологически обоснованные программы моделирования и развития представлений о моде. Таким образом, актуальность выбранной темы определяется наличием социального заказа и недостаточным уровнем изученности данной проблематики, а также запросам практики.

Цель исследования: изучение особенностей представлений студентов и практикующих психологов о моде.

Объект исследования: студенты факультета психологии и практикующие психологи.

Предмет исследования: особенности представлений студентов и практикующих психологов о моде.

Гипотезы исследования.

1. Существуют содержательные отличия в представлениях о моде у студентов и практикующих психологов.
2. Содержание представлений о моде детерминировано макросоциальными, микросоциальными и субъективными факторами.

Задачи:

- проанализировать психологические исследования феноменологии и операционализации представлений человека;
- выявить содержание, функции и механизмы формирования представлений о моде;
- разработать процедуру исследования особенностей представлений студентов и практикующих психологов о моде;

- выявить содержательные особенности представлений студентов и практикующих психологов о моде;
- изучить детерминанты развития представлений о моде.

Методы и методики исследования.

Был использован теоретический анализ психологической литературы, направленный на детальное изучение проблемы содержания развития и проявлений представлений о моде. В соответствии с поставленными задачами в работе были использованы методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич), «Самооценки» (Дембо-Рубинштейн), анкета «Представления о моде», анкета «Роль моды в жизнедеятельности человека», анкета «Мода глазами психологов», мини-сочинение «Мода и Я». Методы количественной и качественной обработки данных.

Научная новизна результатов:

- выявлено содержание представлений о моде (ее функциях, мотивах модного выбора, значении на разных этапах жизненного пути);
- дан сравнительный анализ представлений о моде у студентов и практикующих психологов относительно психологического смысла моды, ее значения;
- выявлены и описаны типы отношения к моде, показана типология модного поведения;
- показано влияние ценностных ориентаций и самооценки на представления о моде;
- выявлены и структурированы факторы, детерминирующие модные выборы и формирование модного стиля;
- выявлен и описан психологический портрет модного человека на основании анализа представлений студентов и практикующих психологов.

Теоретическая значимость проведенного исследования определяется тем, что полученные результаты позволяют расширить научные знания о содержании представлений о моде и детерминантах их формирования. А также дают возможность научного осмысления представленности моды в системе субъектных представлений студентов и психологов как содержательно, так и функционально.

Практическая значимость заключается в том что: разработана программа эмпирического изучения представлений студентов и практикующих психологов о моде, в том числе соответствующие анкеты, сконструирована модель формирования представлений о моде, показана программа развития оптимальных представлений о моде. Материалы и эмпирические результаты могут быть использованы в деятельности специалистов рекламы, имиджмейкеров, психологов, пиар-менеджеров, маркетологов и других специалистов, задействованных в системе работы по развитию и применению моды.

Анализируя моду как показатель социального положения и престижа, психологи акцентируют внимание на том, что мода всегда связана с оценкой и наличием трех компонентов: субъект оценки, нуждающийся в упрочении, формировании или изменении социального положения; объект оценки, оцененный как социально-значимый объект; возможность приобщения субъекта оценки к объекту оценки, что выступает в качестве условий функционирования моды. мода выступает как показатель эстетической ценности объектов внешней и внутренней культуры, что часто воспринимается как эстетическая норма, на которую должна ориентироваться личность, в данном контексте функция моды – это повышение личностной меры совершенства. А регулярная смена моды рассматривается как признак динамичности социальной структуры. Регуляторная функция моды заключается в использовании символических средств для идентификации с группой и установления желаемых «социальных дистанций» межгруппового взаимодействия. В качестве знаков социального положения в моде выступают различные объекты культуры, мода позволяет в общности с другими и, одновременно, в автономности [1].

В контексте проблематики психологии моды исследуется проблема формирования и конструирования имиджа как положительного, эмоционально окрашенного, устойчивого образа личности, созданного субъектом для достижения определенных целей. В психологической науке выделяют функции имиджа в процессе межличностного общения: презентация «образа Я»; маскировка «реального Я»; отражение социальных установок; социальная стратификация; поддержание оптимального уровня психологической близости общающихся; регуляция поведения; манипуляция; внушение определенных идей. В современной западной и отечественной психологии мода рассматривается как конструкт, упорядочивающий отношение человека с внутренними и внешними формами культуры. А.А. Бодалев выяснил, что первое впечатление определяет, в первую очередь, общее отношение симпатии и антипатии субъекта к воспринимаемому человеку [1]. В.Н. Панферов показал, что общую направленность социально-психологической интерпретации личности определяет отношение к внешности воспринимаемого [1]. Выявлено, что одежда и внутренний облик влияют на оценку профессиональной компетентности, внутренней и сексуальной привлекательности, формирование отношения к субъекту как исполнителю социальной роли. Оформление внешнего облика является неотъемлемой частью управляемого имиджа политика, учителя, врача, психолога. Элементы оформления внешнего облика выступают в качестве транслятора общественно-значимых и субъективно специфических характеристик личности, определенного

социального статуса. Направленность социально-психологической интерпретации внешнего облика субъекта определяет не только отношение к нему, но и задает направление конструирования внешнего Я для других, его позиционирования в социуме. Мода формирует социально-психологический образ человека, гендерную, возрастную, социальную и профессиональную идентичность. Внешний облик здесь играет немаловажную роль.

Сегодня трансформация внешнего облика субъекта служит средством личностных изменений и коррекции межличностных отношений. Конструктивные преобразования внешнего облика является фактором коррекции межличностных отношений и психологической перестройки личности. Трансформация внешнего облика, конструирование нового внешнего Я в пространстве социального взаимодействия является средством воздействия на других, на себя, эффективным способом конструирования своей идентичности и социально-личностного пространства. Вместе с тем, перемена внешнего облика, обладает потенциалом жизненных, личностных и межличностных изменений. Это приобретет особую роль в кризисные периоды жизни человека. Внешний облик человека определенного возраста рассматривается как показатель самооценки, жизненной силы, здоровья, социальной и личной состоятельности. В этнографических исследованиях описаны традиционные возрастные «нормы», эталонные возрастные репрезентации оформления внешности, как отмечает В.А. Лабунская [3].

Исследования представлений студентов показало, что среди функций моды на первом месте называется украшение, далее желание выделиться, культурная идентификация, стирание культурных и этнических границ, а также сбережение здоровья, утверждение индивидуальности. Здесь находит отражение опыт взаимодействия студентов в поликультурной среде, что акцентирует внимание субъекта на поликультурном характере современных модных явлений.

Среди характеристик модного человека студенты выделяют красоту, успешность, стильность и вместе с тем демонстративность, привлекательность, шопоголизм, активность, кокетливость, креативность, элегантность, обворожительность.

Ассоциативное поле понятия «модный» в представлениях студентов выглядит следующим образом: модный – успешный, красивый и не совсем яркий, необязательно счастливый. Вместе с тем модный ассоциируется со снобизмом, стильностью, независимостью, отрицается связь с богатством. Тогда как у психологов-практиков «модный» – это успешный, красивый и счастливый, богатый, перспективный, резкий, стильный, талантливый, но не яркий. Здесь наблюдается атрибуция модному человеку большого разброса характеристик.

Студенты считают, что в выборе направления моды наибольшее значение имеет индивидуальность, характер, творчество и вкус, в меньшей степени стиль, образ жизни, настроение и интересы, а также гордость, стремление следовать ситуации.

Современных студентов привлекает в современной моде, как показало исследование, могут привлекать как идеальные, так и материальные характеристики. К материальным можно отнести «джинсы», «туфли на высоких каблуках», «эффектные блузки», а к идеальным – разнообразие стилей, яркость, креативность. То же самое касается отвергаемых качеств современной моды.

Студентам в современной моде не нравится: вульгарность, взрослость, непрактичность, экстравагантность, нетрадиционность и несоответствие нормам. Интересно, что, будучи самими носителями моды, студенты подходят достаточно жестко и нормативно к оценке современной моды в целом.

Называя мотивы выбора того или иного модного имиджа, студенты акцентируют внимание на демонстрации успешности, завоевании популярности и уважения, желании быть красивым, произвести впечатление, стремление к современности и вместе с тем страха («страх некрасивости», «страх отличия от других людей»). Выявилась интересная тенденция романтичности, склонность к экспериментированию, желание быть стильным, личные предпочтения попали в ранг мало популярных мотивов. Очевидно, это связано с тем, что выборка респондентов была недостаточно широкой и практически однородной по возрастному, образовательному, социальному цензу.

Студенты подчеркивают достаточно значимую роль моды в жизни: при этом 14,29 % считают, что мода ведет за собой; играет большую, но не главную роль в жизни – 21,43 %; незначительная роль – 14,29 %; не главная роль – 7,14 %; не играет никакой роли – 35,71 %.

Эти данные могут расцениваться как проекция отвержения роли моды в силу невозможности следовать желаемым модным идеалам на индивидуальном уровне и усиления идеализированных приоритетов в студенческой среде, на начальных этапах обучения.

В обобщенном виде мнения о значении моды в жизни человека 25 % респондентов связывают с достижением красоты и успешности, 50 % с желанием производить впечатление.

С точки зрения студентов на формирование представлений о моде наибольшее впечатление оказывают: мать, родители, родственники – 16,67 %; телевидение, друзья – 13,89 %; гляцевые журналы – 11 %; зарубежные актрисы, кино, музыка, «никто» – 5,56 %; советы, модные проекты, люди, книги – 2,78 %. Достаточно тенденциозно выглядит оценка психологического смысла

моды глазами студентов: «выделение из окружающих», «выражение индивидуальности», «стадное чувство», «произведение впечатления», «навязать свое мнение», «страх осмеяния», «желание оказать влияние».

Сравнительный анализ содержания представлений о моде студентов и психологов показывает, что оценки мотивов выбора наибольшие расхождения продемонстрированы по параметрам: карьера, профессия, учеба, а также индивидуалистичность, произвести впечатление, завоевать популярность и уважение, настроение, страхи некрасивости и отличия, уверенность. Выявлены расхождения в оценке факторов, влияющих на формирование представлений о моде, в следующих позициях: зарубежные актрисы, кино, мать, родственники, подруги, товарищи, друзья, стилисты, специалисты. Что касается функций моды, то здесь различия наблюдаются в таких аспектах, как сближение и размывание национальных стилей, культурная идентификация, самовыражение, презентация, привлекательность, обеспечение защиты. В характеристике модного человека мнения студентов и психологов также расходятся по параметрам: прогрессивность, современность, красота, успешность.

Оценки психологического смысла моды различаются по позициям: выделение из окружающих, самопрезентация, выражения индивидуальности, создание имиджа. Интересно, что среди отверженных качеств моды две группы респондентов неоднозначно относятся к оценке вульгарности, непрактичности, экстравагантности, вычурности, броскости и неординарности, безопасности.

Рассматривая предпочтения в современной моде, студенты и психологи демонстрируют наиболее значимые расхождения в оценке креативности и яркости. По методике «Самооценка» (Дембо-Рубинштейн) было выявлено, что у психологов высокие оценки по параметрам «авторитет» и «умелые руки», низкие – «здоровье», «внешность». А у студентов, соответственно, высокие – «уверенность в себе», «характер», «здоровье», «внешность». Анализ показывает связь между особенностями самооценки и содержанием представлений о моде.

Анализ результатов изучения ценностных ориентаций студентов (методика М. Рокича) показал, что в качестве приоритетных инструментальных ценностей выделены жизнерадостность и образованность, воспитанность, чуткость, высокие запросы, неприятие

недостатков, ответственность, рационализм, широта взглядов. Низкие ранги получили – аккуратность, исполнительность, твердая воля, самоконтроль. Что касается терминальных ценностей, то здесь на первом месте выделяется наличие хороших и верных друзей, на втором месте – интересная работа и здоровье, на третьем месте – жизнь, красота, искусство, счастливая семья, уверенность в себе. Такие ценности, как материально обеспеченная жизнь и развлечения оказались на последнем месте.

У психологов наблюдается иная картина выраженности ценностных ориентаций. Среди инструментальных ценностей приоритет за такими, как: образованность, эффективность в делах, самоконтроль. Низкие ранги получили: высокие запросы, независимость, непримиримость к недостаткам в себе и другим. Что касается терминальных ценностей, то высокие ранги присвоены таким позициям, как: здоровье, творчество, материально обеспеченная жизнь, а низкие ранги – уверенность в себе и свобода.

Анализ сопоставления различий в ценностных ориентациях студентов и практикующих психологов и содержания их представлений о моде, показывает, что ценностные предпочтения оказывают влияние на содержание представлений о моде в следующих позициях: оценка характеристик модного человека, психологического смысла моды, самооценка и ассоциативного ряда «модный».

Представления о моде студентов и практикующих психологов имеют содержательные различия в оценке психологического смысла моды и ее функций, характеристик модного человека и наиболее значимых штрихов современной моды. Ценностные ориентации и самооценка также оказывают влияние на формирование представлений о моде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белугина Е.В. Отношение к своему внешнему облику в период середины жизни: дисс. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2003.
2. Килошенко М.И. Психология моды. – М.: Изд-во «Оникс», 2006. – 320 стр.
3. Лабунская В.А. Типы преобразования внешнего облика как отражение направленности преобразовательной активности субъекта в социальном общении // Мир психологии. – 2006. – № 2. – С. 20

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ К ДРУГИМ ЛЮДЯМ ЖИТЕЛЕЙ МЕГАПОЛИСА, БОЛЬШОГО И МАЛОГО ГОРОДОВ

**Т.А. Шкурко,
А.А. Балакина**

Статья посвящена анализу значимых различий выраженности социально-психологических потребностей, видов и параметров отношений к другим людям жителей мегаполиса, большого и малого городов. В статье описаны особенности отношений к другим людям жителей городов разного типа, обусловленные территориально-пространственно-временными параметрами проживания в нем. В статье представлена взаимосвязь структурно-содержательных характеристик образа города жителей мегаполиса, большого и малого городов и выраженности социально-психологических потребностей, параметров и типов отношений к другим. В статье показано также, что городская идентичность жителей городов обусловлена типом города, территориально-пространственно-временными параметрами проживания и связана с рядом социально-психологических потребностей, параметров и типов отношений к другим людям.

Ключевые слова: отношение, виды отношений, отношение к другим, территориально-пространственно-временные параметры формирования отношений личности, социально-психологические потребности, житель города, образ города, городская идентичность.

В современных условиях урбанизации наблюдается повышенный интерес к социально-психологическим аспектам жизнедеятельности человека в условиях городской среды, обусловленный изменениями образа жизни, ценностных структур городского жителя, социально-экономических условий его проживания в городе, а также трансформациями территориальной организации городского пространства. Проведенные исследования социально-психологических аспектов городской среды, с одной стороны демонстрируют влияние территориально-пространственно-временной организации города на формирование территориальной идентичности [12], структуру и содержание образа города [2, 11], процессы восприятия, категоризации и оценки Другого [3], формы пространственного поведения субъектов городской жизнедеятельности [3, 9]. В то же время в работах Д.Н. Замятина, М.В. Рабжаевой, В.Е. Семенковой, Г. Корепанова подчеркивается детерминированность данных социально-психологических аспектов жизнедеятельности индивида системой межличностных отношений внутри городского сообщества. Несмотря на многообразие исследований, проведенных в данном направлении, к настоящему времени представлено недостаточное количество работ, в которых территориально-пространственно-временные параметры, дифференцирующие жи-

телей города, а также тип города изучались бы в качестве факторов, обуславливающих выраженность социально-психологических потребностей, модальностей и типов отношений к Другому его жителей. Актуальность данной работы обусловлена также развитием современных подходов к изучению города как большой социальной группы, характеризующейся специфической организацией общения и взаимодействия [13].

В связи с этим целью нашего исследования является изучить выраженность социально-психологических потребностей и отношения к другим людям жителей мегаполиса, крупнейшего и малого городов. Объектом исследования выступает социальная психология города. Предметом исследования выступили выраженность социально-психологических потребностей, параметров и типов отношений к другим людям, структурно-содержательные характеристики образа города и городская идентичность у жителей городов разного типа, отличающихся территориально-пространственно-временными параметрами проживания в городе.

Опираясь на представления об отношении к Другому как к центральному элементу системы связей личности с различными сторонами объективной действительности, а также на работы Ж.-П. Сартра, Дж. Мида, Ж. Лакана, П. Бергера, Л.Я. Гозмана и др.,

мы изучали два вида отношений: отношение к обобщенному Другому и конкретному Другому и рассматривали такие их параметры, как модальность, интенсивность, знак. В качестве ведущих модальностей отношений к другим людям мы рассматриваем такие, как: принятие, доброжелательность, агрессивность, враждебность, доверие, манипулятивное отношение. В работах С.Л. Рубинштейна, А.А. Бодалёва, В.Н. Мясищева, П.В. Симонова и других показано, что социально-психологические потребности личности определяют ее отношение к миру и другим людям. В нашем исследовании мы использовали классификацию базовых социально-психологических потребностей В. Шутца. Также, опираясь на классические социально-психологические работы Б.Ф. Поршнева, Б. Вальденфельса, Ю. Лотмана, в которых категория «свой/чужой» выступает базовым критерием восприятия Другого и отношения к нему, мы в нашем исследовании рассматривали отношение к другим людям, дифференцированным на «свои/чужие», «близкие/далекие».

Исследования города, проведенные П. Бурдые [1], М. Вебером, Л. Виртом, В.Л. Глазычевым [2], А.Э. Гутновым, Г. Зиммелем, А.В. Иконниковым [4], В.Г. Ильиным [5], С. Милграмом, М. Хайдеггером, Т.В. Семеновой [13] и др. позволили рассматривать его как «пространственно-растянутую модель коммуникации», как пересечение экономических, культурных, пространственно-временных, социальных, духовных, личностных координат, как большую социальную группу, характеризующуюся особенностями организации общения и взаимодействия между людьми, отношений к другому, а также специфическими представлениями о городе. Территориальная идентичность жителя города выступает подструктурой социальной идентичности и определяется [1, 6] как осознание территориальной принадлежности индивида, смыслов и ценностей данной локальной общности. В нашей работе мы вслед за А.В. Микляевой, П.В. Румянцевой [7], Н.А. Шматко, Ю.Л. Качановым [14] придерживаемся рабочего определения городской идентичности как определения себя в качестве жителя определенного города.

На основе проведенного теоретического анализа нами были сформулированы ряд гипотез:

- 1) выраженность социально-психологических потребностей, параметров и типов отношения к Другому жителей городов разного типа, дифференцированных по территориально-пространственным и пространственно-временным критериям, могут различаться;
- 2) неосознаваемое отношение к жителям города, дифференцированным по критериям «близкий / свой», «далекий / чужой», могут быть по-разному обусловлены социально-психологическими

потребностями, выраженностью отношений определенных модальностей и типами отношения к Другому;

- 3) структурно-содержательные характеристики образа города могут быть взаимосвязаны с выраженностью социально-психологических потребностей, параметров и типов отношения к Другому и варьировать в зависимости от типа города;
- 4) городская идентичность может быть связана с выраженностью социально-психологических потребностей, параметров и типов отношения к Другому и обусловлена типом города, территориально-пространственными и пространственно-временными факторами.

Методики исследования:

- 1) авторская анкета «Пространственно-временной путь личности»;
- 2) опросник межличностных отношений В. Шутца, адаптированный А.А. Рукавишниковым;
- 3) блок методик, диагностирующих различные виды отношений к другим людям: Шкала принятия других Фейя, Шкала враждебности Кука-Медлей, Шкала доброжелательности Кэмпбелла, Шкала доверия Розенберга, Шкала манипулятивного отношения Банта, адаптированный Ю.А. Менджерицкой;
- 4) методика «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири;
- 5) цветовой тест отношений А.М. Эткинды;
- 6) методика семантического дифференциала Ч. Осгуда;
- 7) рисуночный тест «Я и мой город» (модификация методики «Я и группа»);
- 8) тест двадцати высказываний «Кто Я?» М. Куна, Т. Макпартленда.

Эмпирическим объектом исследования выступили жители Москвы (120 человек), жители Ростова-на-Дону (100 человек) и жители Крымска (100 человек) в возрасте от 21 до 37 лет. Всего в исследовании приняли участие 320 человек. Выбор объекта исследования обусловлен сочетанием ряда критериев: размер, функции города и его экономико-географические показатели, определяющие основные ресурсы развития. Данные критерии обуславливают различия в структуре и содержании городов разного типа, которые в нашем исследовании представлены мегаполисом (Москва), большим городом (Ростов-на-Дону) и малым городом (Крымск).

Решение эмпирических задач обеспечивалось использованием в исследовании методов математической статистики: частотного анализа, процедуры квартилирования, корреляционного анализа Спирмена, U-теста Манна и Уитни, H – теста по методу Крускала и Уоллиса, линейного регрессионного анализа и бинарной логистической

регрессии. Применялись компьютерные программы Microsoft Office Excel 2007; Statistica 9; SPSS 11.5 for Windows.

Эмпирическое исследование выраженности социально-психологических потребностей и особенностей отношения к другим людям жителей мегаполиса, большого и малого городов позволили сделать ряд выводов.

1. Выраженность социально-психологических потребностей, параметров и типов отношения к Другому жителей городов разного типа различаются.

1.1. Жители мегаполиса демонстрируют средний уровень выраженности социально-психологических потребностей во включении со стороны Другого, потребности в любви на уровне выраженного поведения и поведения требуемого от Других (за исключением потребности в контроле над другими), средний уровень выраженности позитивного отношения к Другому (принятие, доверие), наиболее высокий уровень выраженности негативного отношения к Другому (цинизм, манипуляция), а также средний уровень выраженности типов отношения к Другому по факторам «подчинение / агрессия / дружелюбие»: агрессивно-прямолинейного, недоверчиво-скептического, покорно-застенчивого, зависимо-послушного, сотрудничающе-конвенционального, ответственно-великодушного. Жители крупнейшего города характеризуются наиболее высоким уровнем выраженности социально-психологических потребностей, позитивных модальностей (доверие, принятие), наиболее низким уровнем выраженности негативных модальностей (враждебное отношение, манипуляция), а также типов отношений к Другому по факторам «подчинение / агрессия / дружелюбие». Жители малого города демонстрируют наиболее низкий уровень выраженности социально-психологических потребностей, позитивных модальностей (доброжелательность, принятие, цинизм), средний уровень выраженности негативных модальностей (враждебное отношение, манипуляция), наиболее высокую интенсивность выраженности типов отношений к Другому по факторам «подчинение / агрессия / дружелюбие».

1.2. Потребность в контроле других является наиболее выраженной в структуре социально-психологических потребностей жителей города всех изучаемых типов. Интенсивность ее выраженности возрастает с увеличением размера города и является максимальной у жителей мегаполиса. Потребность в зависимости (контроле со стороны других) наиболее выражена у жителей малого города.

1.3. Тип города детерминирует различия в тех типах отношений к обобщенному другому, которые сосредоточены вокруг осей «дружелюбия / агрессии / подчинения», и не влияет на наличие различий по оси «доминировании».

1.4. Тип города обуславливает различия в неосознаваемом отношении к обобщенному Другому у жителей города и не влияет на отношение к конкретному Другому. Интенсивность неосознаваемого положительного отношения к обобщенному Другому (другие люди) и к Другому, дифференцированному по принципу «свой-чужой» (жители «своего» города, коренные жители, приезжие) значительно снижается с возрастанием размера города.

2. Территориально-пространственные и пространственно-временные факторы влияют на выраженность социально-психологических потребностей, параметров и типов отношений к Другому. Наибольшее влияние оказывают такие территориально-пространственные факторы, как «место рождения», «тип проживания», и такие пространственно-временные факторы, как «наличие/отсутствие переезда», «тип переезда», «длительность проживания».

В результате линейного множественного регрессионного анализа, показывающего взаимосвязи территориально-пространственно-временных параметров с выраженностью социально-психологических потребностей, модальностей и типов отношения к Другому жителей мегаполиса, крупнейшего и малого городов, было обнаружено большое количество взаимосвязей. Например, было выявлено, что жители мегаполиса и крупнейшего города, пространственно-временная биография которых включает переезд, демонстрируют высокий уровень зависимости от другого, выражающийся в большей выраженности потребности контроля со стороны другого, высокой представленностью зависимо-послушного и покорно-застенчивого типов отношений к другому.

2.1. Территориально-пространственные и пространственно-временные факторы обуславливают в первую очередь отношения к другим людям жителей мегаполиса и крупнейшего города и в меньшей степени влияют на отношения к Другому жителей малого города.

3. Неосознаваемое отношение к жителям города, дифференцированным по критериям «близкий / свой», «далекий / чужой», по-разному обусловлены социально-психологическими потребностями, выраженностью отношений определенных модальностей и типами отношения к Другому.

3.1. Интенсивность неосознаваемого позитивного отношения к жителям города, относящихся к категориям «близкий» и «свой», обусловлена в первую очередь высокой выраженной потребностью в любви (на уровне выраженного и требуемого от других поведения) и низкой выраженностью потребности в контроле со стороны других людей (потребностью в зависимости); низкой выраженностью манипулятивного отношения к другим и высокой

выраженностью враждебного отношения к другим; низкой выраженностью властно-лидирующего и ответственно-великодушного типов отношения к Другому, высокой выраженностью агрессивно-прямолинейного отношения к Другому.

3.2. Интенсивность неосознаваемого позитивного отношения к жителям города, относящихся к категориям «далекий», «чужой», прежде всего детерминирована потребностью в контроле других; высокой выраженностью доверия, низкой выраженностью враждебного отношения к другим; низкой выраженностью зависимо-попкорного, недоверчиво-скептического, ответственно-великодушного и высокой выраженностью покорно-застенчивого типов отношения к Другому.

4. Выраженность социально-психологических потребностей, параметров и типов отношений к Другому обуславливают структурно-содержательные характеристики образа городов разного типа.

4.1. Выраженность социально-психологических потребностей, параметров и типов отношений к Другому влияет в большей степени на оценочный компонент образа города и в меньшей степени взаимосвязаны с такими компонентами, как «сила» и «активность».

4.2. У жителей Москвы наибольшее количество взаимосвязей особенностей отношений к Другому с такими характеристиками образа города, как «ненавистный / любимый», «жизнерадостный / унылый», «злой / добрый», «хороший / плохой»; у жителей Ростова – «умный / глупый», «злой / добрый», «хороший / плохой», у жителей Крымска – «ненавистный / любимый», «умный / глупый», «свой / чужой», темный / светлый».

5. Городская идентичность жителей городов обусловлена территориально-пространственными, пространственно-временными факторами, типом города и связана с рядом социально-психологических потребностей, типов и параметров отношений к Другому.

5.1. Тип города влияет на наличие/отсутствие городской идентичности у его жителей. Наибольшее количество жителей, имеющих городскую идентичность, проживает в мегаполисе, наименьшее – в малом городе.

5.2. Наличие/отсутствие городской идентичности обусловлено рядом территориально-пространственных и пространственно-временных параметров: «место рождения», «наличие/отсутствие переезда», «длительность проживания», «количество переездов», «тип переезда». Наличие городской идентичности характерно для жителей города:

- 1) родившихся в городе своего проживания;
- 2) в пространственно-временной биографии которых отсутствует переезд либо тех, кто переехал из области;

- 3) с высокой длительностью проживания в данном городе.

5.3. Жители мегаполиса с наличием городской идентичности демонстрируют высокий уровень враждебного отношения к другому (шкала «агрессия»), выраженности властно-лидирующего, независимо-доминирующего, агрессивно-прямолинейного, ответственно-великодушного и покорно-застенчивого типов отношения к Другому.

5.4. Жители крупнейшего города с наличием городской идентичности характеризуются высоким уровнем выраженности потребности во включении в социальные группы по инициативе других людей, средним уровнем выраженности враждебного отношения к другому (шкала «агрессия»), независимо-доминирующим типом отношения к Другому.

5.5. Жители малого города с наличием городской идентичности проявляют менее высокий уровень выраженности враждебного отношения к другому (шкала «агрессии»), недоверчиво-скептический тип отношений к Другому.

Полученные выводы подтверждают выдвинутые выше гипотезы и могут быть использованы при анализе, объяснении, прогнозировании общественных явлений на уровне городов различного типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдые П. Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдые, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск, Изд-во Новосиб. Унта, 1995.
2. Глазых В.Л. Воспитание пространства // Знание – сила. – 2004. – Август. – С. 39–46.
3. Желнина А.А. Трансформация пространств потребления в современном российском городе на примере Санкт-Петербурга: автореферат дисс. ... канд. соц. наук. – Санкт-Петербург, 2011. – 22 с.
4. Иконников А.В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. – М.: КомКнига, 2006. – 352 с.
5. Ильин В.Т. Город как концепт культуры: дисс. ... д-ра социол. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – 331 с.
6. Корепанов Г. Региональная идентичность как базовая категория социологии регионального развития // Власть. – 2009. – № 1. – С. 43–50.
7. Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. – С. 8
8. Мясичев В.Н. Психология отношений. – М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2003. – 400 с.
9. Панюкова Ю.Г. Место как категория анализа взаимодействия человека и среды // Прикладная психология. – 2000. – № 5. – С. 53–61.

10. Пунина К.А., Ромашова М.В. Городская среда как «поле битвы» за новую идентичность // Идентичность как предмет политического анализа. – 2011. – 299 с.
11. Сазонов Д.Н. Социально-психологические особенности репрезентации городской пространственно-предметной среды у жителей города: дисс. ... канд. псих. наук, Белгород, 2009. – 153 с.
12. Самошкина И.С. Территориальная идентичность как социально-психологический феномен // Вопросы психологии. – 2008 – № 4 – С. 99–105
13. Семенова Т.В. Теоретические и прикладные аспекты социально – психологического исследования городской ментальности: дис. ... канд. психол. наук. – Казань, 2007.
14. Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования. – 1998 – № 4 – С. 94–99.
15. Lofland L.H. The Public Realm. New York: Aldine De Gruyter, 1998. – 305 p.

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ ИНДИВИДА

Прокофьева Н.В.

Статья посвящена внешним и внутренним условиям формирования морально-нравственного сознания индивида. В ней рассматриваются проблемы включенности социума в нравственное воспитание личности. Обозначены моральные проблемы современного общества. Описана формальная и содержательная сторона морали. Изложены некоторые мысли о формировании полноценного морально-нравственного сознания личности.

Ключевые слова: духовность, нравственность, мораль, духовно-нравственное развитие, морально-этические категории, морально-нравственные ценности, гуманитарное миропонимание, этическое мышление, моральные кризисы, ответственность, социализация, формальная и содержательная сторона морали, духовно-нравственное воспитание, морально-нравственное сознание, свобода воли.

Необходимость исследования проблемы духовно-нравственного развития личности продиктована, прежде всего, потребностью понять каким образом семья и общество могут влиять на развитие взрослого индивида, в рамках тотальной нравственной деградации, на фоне глобального кризиса и размышления ценностных ориентаций.

Несмотря на то, что в рамках общенациональной культуры невероятно усложнены механизмы передачи духовно-нравственных ценностей, затруднена здоровая социализация молодежи, а значит эта тема весьма актуальна, работ посвященных данной проблематике немного. В философских и психологических работах, в основном, поднимается проблема «как должно быть», своеобразного идеала, к которому надо стремиться, а это, порой, очень трудно вяжется с реальной действительностью. В сознании отдельной личности крайне редко можно найти стройную, логически осмысленную и соподчиненную систему норм и правил, по которым живет человек. А ведь с древних времен и до наших дней мораль (нравственность) понимается как мера господства человека над собой [9].

Эта проблема осознается и находит отклик у людей, которых действительно волнуют вопросы гуманитарного миропонимания. А. Швейцер так пишет об этой проблеме: «История этической мысли – наиболее глубокий слой всемирной истории. Среди сил, формирующих действительность, нравственность является первой. Она – решающее значение, которое мы должны отвоевать у мышления. Все остальное более или менее вторично. Поэтому

каждый, кто уверен в том, что ему есть, что сказать относительно этического самосознания общества и индивидов, имеет право говорить теперь, хотя время выдвигает на первый план политические и этические проблемы. Внести нечто весомое и прочное в решение проблемы политической и экономической жизни мы сможем лишь в том случае, если возьмемся за них как люди, стремящиеся прийти к этическому мышлению. Те, кто хоть в чем-то двигают вперед наше мышление об этике, содействуют приближению эры благополучия и мира на земле» [10, с. 115].

Данный вопрос требует вмешательства мыслителей, философов, психологов, педагогов – всех тех, кто включен в вопросы обсуждения, исследования и описания такого непростого феномена как нравственность (мораль).

Начать можно с перевода морально-этических категорий, насколько это возможно, из области идеального в реальное, опираясь на социальную действительность, в которой мы живем. Д.А. Леонтьев так пишет об этой проблеме: «Очень бы не хотелось, чтобы развитие нашей науки и культуры шло по невротическому пути. Идеалы важны именно потому, что они соотносятся с реальностью и раскрывают перспективу движения из той точки, в которой мы находимся. Если мы не понимаем в какой точке мы находимся, и говорим и думаем только об идеалах, мы не сможем решить самую главную задачу – нахождения и прокладывания пути от нашей несовершенной реальности в направлении приближения к идеалу» [5].

Далее необходимо обратиться к критическим возрастным моментам (моральным кризисам, которые

исследовали Л.С. Выготский, Б. Ливехуд, Э. Эриксон, А. Зеличенко, Ф.Е. Василюк), в рамках которых человек претерпевает морально-этические преобразования, в дальнейшем влияющие на его духовный облик, на его отношения с действительностью и людьми из его окружения и на этапы его дальнейшей социализации. Это позволит, до определенного момента, оказывать соответствующую поддержку индивиду в эти не простые для него периоды.

Следующим шагом было бы замечательно создать программу по «воспитанию» ответственности за своих детей в родителях, воспитателях и педагогах, участвующих в формировании их морального сознания.

Конечно, это практически невозможно сделать в социальной среде, где на государственном уровне не ведется борьба с мошенничеством, коррупцией, где руководство страны позволяет себе открыто лгать своим гражданам. В стране, в которой люди, непосредственно влияющие на воспитание подрастающего поколения, вынуждены владеть жалкое существование, что существенно подрывает их энтузиазм по поводу включенности в вопросы нравственного становления их подопечных. И, конечно, совершенно невозможно говорить о воспитании морального сознания и формирования морального уважения в наших детях в рамках тотального засилья двойных стандартов.

Таким образом, к рассмотрению феномена формирования морально-этических категорий у взрослого индивида стоит подходить с точки зрения дуальной ответственности, т.е. ответственности как самого индивида, так и социальной среды, в которой происходит его развитие.

Совершенно очевидно, что данный вопрос требует рассмотреть понятие морали, во-первых, со стороны формальных свойств, как характеристику отношений между людьми, выражающуюся в моральных нормах (требованиях, правилах, заповедях). Во-вторых, в содержательном (ценностном аспекте), как личностную характеристику, совокупность нравственных качеств и добродетелей.

Формально понятие морали трактуется от приоритета внешнего регулирования к приоритету внутреннего поведения: от страха и стыда к механизму совести [2]. Так, пришедшее к нам из европейской философии понятие морали, обобщенно выражает сферы высших ценностей и долженствования. В содержательном аспекте механизм морали трактуется от ценностей коллективных к ценностям личным [там же]. Она призвана обеспечить самостоятельность человека как духовного существа по отношению к его желаниям, спонтанным проявлениям и внешнему групповому и общественному давлению. Мораль определяет каким должен быть человек как субъект нравствен-

ности, к чему он должен стремиться, что ради этого совершать, а самое главное – какими средствами.

Нужно сказать, что только в конце XX в. в работах отечественных и зарубежных авторов, на основе теоретических исследований, был обобщен опыт использования моральной лексики и модель морально-этических категорий была представлена с точки зрения нормативно-аксеологического подхода.

Конкретизируя формальную сторону морали можно выделить следующий набор характеристик:

- моральные нормы, безусловно, повелительны;
- они приоритетны по отношению к иным нормам, определяющим человеческое поведение;
- обладают свойством всеобщности;
- моральная норма характеризуется тем, что она предлагает должную форму не только поступку, но и его мотивам;
- моральные нормы опираются на идеальные санкции, под которыми подразумевается общественное осуждение или одобрение, а также негативное или позитивное переживание самого индивида [8].

Нужно учитывать тот факт, что, по мнению ряда авторов, определения морали, которые учитывают только ее формальные характеристики, не могут рассчитывать на полноценное описание данного феномена [1]. А значит, формальные характеристики морали необходимо дополнять содержательными. Конечно, если раскрывать содержание морали только на основе перечисления нравственных запретов или позитивных обязательств, раскрывая только ее нормативное содержание, мы опять получим односторонний взгляд на этот феномен.

В истории философии критерием высших ценностей является понятие абсолютного блага (добродетели), его антиподом является – зло (пороки). Две эти категории входят в понятие морального сознания. Всем известна концепция семи смертных грехов, которая получила распространение после трудов Фомы Аквинского. Это свод правил том, как поступать нельзя. Также всем хорошо известны десять заповедей, полученных Моисеем от Бога и прописанных в Ветхом завете. Эти моральные законы даны человечеству в рамках религиозной мысли. Подчиняясь этим законам, человек не имеет возможности выбирать, он поставлен в жесткие рамки обусловленности, прописных истин. И если он их соблюдает, то, с точки зрения церкви, он морален, нравственен, а если нет – гореть ему в гие огненной. По мнению Д.А. Леонтьева, истинная духовность не имеет ничего общего с жесткими правилами и ограничениями, привнесенными извне, «закрытыми к диалогу с другими ценностями», и «связывающими понятие духовности с конкретными ценностями, убеждениями, смыслами», которые они

считают вечными и неизменными [5]. Ветхозаветное «Око за око...» совершенно не вписывается в рамки современной морали.

Древние философы и мыслители современно-го времени отмечают тот факт, что человек, живя в обществе, не свободен от него, что он не просто пассивно приспосабливается к окружающим обстоятельствам, но и преобразует их. Духовность не существует сама по себе, отдельно от определенных общественных институтов, социума и исторического времени. Мораль создает человеку определенного рода ограничения, так как он неизбежно является членом той или иной социальной группы, которая живет по определенным нормам и правилам. «Она есть нравственность, приспособленная к сохранению данного социального организма, нравственность с оговорками, ограничениями» [4, с. 34].

Таким образом, можно констатировать факт, что мораль есть необходимое условие жизни социума, рядом с которым параллельно существует мир личностных отношений, который не может быть ограничен рамками конечных норм и предписаний.

К сожалению, исследуя практику духовно-нравственного воспитания можно констатировать две крайности. Первая – освоение системы моральных норм как абсолюта, непреложной истины. Вторая – восприятие человеком морали как чего-то внешнего, не имеющего к нему отношения. В первом случае моральные нормы наделяются статусом нравственных принципов, и мы получаем сухого моралиста (И. Кант), во втором – мораль рассматривается человеком только с точки зрения ее общественно-значимой регулятивной функции и полностью нивелируется ее нравственное наполнение (Макиавелли, Маркс).

Для того чтобы рассчитывать на формирование полноценного морально-нравственного сознания индивида, нужно научить его во взаимодействии с другими людьми, прежде всего, рефлексировать свои ценности и потребности, а также учитывать ценности и потребности партнера по отношениям. Общественно-полезная функция моральных норм, при этом, для него должна оставаться вторичной. Необходим навык разотождествления индивида со своим «Я», возможность посмотреть на свое поведение и свои потребности в этих отношениях со стороны, а также умение поставить себя на место другого человека. В этом случае появляется возможность критически соотнести общественные моральные нормы и личные моральные нормы и, сделав ответственный выбор, поступить соответствующим образом. Это то, что Ч. Тэйлор назвал «многомерно-стью морального мышления».

Возможность выбора – это свобода воли. Моральная свобода является ценностью, к достижению которой человек стремится. Моральная оценка

и суждение о том, «как должно», возможны только по отношению к субъекту как существу, наделенному свободой волеизъявления.

Иногда в жизни человека могут возникать конфликтные ситуации, в которых ему нужно сделать непростой выбор в ситуации столкновения морали, нравственности и духовности. Жизненные сценарии, требующие от человека сознательно-волевого усилия, формируют его как личность и продвигают его по пути духовно-нравственного развития. Любое решение, которое примет человек, является предметом его свободной воли и не может подвергаться осуждению, тем более если этот выбор был сделан им в острой, угрожающей жизни ситуации. Мы знаем множество примеров такого непростого нравственного выбора: Сенека, Сократ, Ж. Дарк, Н. Коперник, Д. Бруно, Р. Декарт, Г. Галилей, Б. Спиноза, П. Флоренский, А.Д. Сахаров, Л.Н. Гумилев и др.

В рамках психологической мысли нет четкого представления о системе и иерархии моральных ценностей. Работы по этой тематике, главным образом, принадлежат философам. Гуманистическая психология, по крупному счету, восходит к золотому правилу, сформулированному еще во времена Конфуция: «Поступайте с другими так, как хотели бы, чтобы поступали с вами». Экзистенциалисты абсолютным благом считают свободу каждого человека самому создавать сценарий своих поступков и нести за это ответственность. Духовная психология близка к религиозной точке зрения на предмет морали. И, как считает М.С. Каган, совершенно очевидно, что ни одна система ценностей не может претендовать на абсолютность, даже в одной исторической общности [7].

Нравственность, как и духовность, «выступает как один из базовых «экзистенциалов» зрелой личности» [5]. Наряду со свободой выбора, которую человек получает с определенного момента своего физиологического созревания, он вынужден проходить этапы социализации в том обществе, историческом времени и политическом формате, в котором он живет. Человек не может «быть изолированным индивидом» и вынужден решать «задачи эффективной адаптации к среде» [5]. А «среда», в свою очередь, должна чутко относиться к моральным потребностям индивида и активно содействовать формированию его морального сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. – М.: ИФ РАН, 1995. – 353 с.
2. Апресян Р.Г. Императивно-ценностная динамика морали. – URL: <http://iph.ras.ru/page50859827.htm>.

3. Братусь Б.С. К проблеме нравственного сознания в культуре уходящего века // Вопросы психологии. – 1993. – № 1. – С. 6–13.
4. Валианметов Х.Х. Духовно-нравственное развитие личности в учебно-событийной деятельности: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. – М.: РГБ, 2003.
5. Леонтьев Д.А. Духовность, саморегуляция и ценности. <http://www.institut.smysl.ru/article/spirit.php>.
6. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности. – URL: <http://mary1982.narod.ru/leontiev.html>.
7. Каган М.С. Философская теория ценности. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 142 с.
8. Прокофьев А.В. Феномен общественной морали: философский анализ: дис. ... доктора филос. наук: 09.00.05. – М.: РГБ, 2006.
9. Шабельников В.К. Психология души: учебное пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – С. 86–87.
10. Швейцер А. Социальная природа эстетических чувств. – М.: Знание, 1978. – 64 с.

САМОСОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
О СМЫСЛЕ СВОЕЙ ЖИЗНИ У ВЗРОСЛЫХ**Ростова Е.Н.**

В статье затрагивается проблема осознания смысла своей жизни. Рассматриваются особенности формирования самосознания личности. Освещается значение жизненной среды самосознания как основы идентификации личности с каким-то определенным местом ее существования и пребывания. Изучаются особенности интерпретации смысла своей жизни в различных философских течениях и с точки зрения представителей психологической науки. Приведены данные о различиях в понимании смысла своей жизни у представителей различных профессий. Представлены гипотезы для дальнейшего изучения проблемы.

Ключевые слова: *смысл жизни, самосознание личности, ценностные ориентации, «жизненная среда», религия, уровень самоопределения.*

Смысл жизни – философская и духовная проблема, имеющая отношение к определению конечной цели существования, предназначения человечества, человека как биологического вида, одно из основных мировоззренческих понятий, имеющее огромное значение для становления духовно-нравственного облика личности. Отдельные аспекты этой проблемы уже исследовались ранее философами, теологами и психологами. Полученные, проверяемые ответы на эти вопросы формировали науку. Но, несмотря на обилие теоретических подходов к исследованию данной проблемы, наука не в состоянии ответить на вопрос: «В чём (что является) цель (смысл) жизни?». А вопрос о восприятии смысла жизни у современных представителей различных религий практически не изучен. В нашем исследовании мы постараемся восполнить этот пробел. Изучение этого аспекта особенно актуально для нашей страны, где в силу исторических и политических факторов, по данным всероссийской переписи населения 2002 г., соседствуют более 180 этнических групп [3].

Существование населения России как суммы многочисленных народов (национальностей) стало неотъемлемой принадлежностью нашего сознания и бытия. Такое соседство порождает многочисленные споры и разногласия. Сегодня становится очевидным, что мир и согласие в многонациональном и поликультурном обществе могут быть достигнуты и сохранены не с помощью силы и оружия, а путем налаживания взаимоотношений между людьми на основе этических, нравственных и культурных законов.

В этих условиях исследования по проблеме толерантности приобретают особое значение: от их эффективности во многом будет зависеть успешное

решение вопросов межэтнической конфликтологии. Это подчеркивает практическую значимость исследования.

Цель работы заключается в выявлении специфики смыслового принятия своей жизни в различных религиозных и национальных контекстах.

Цель исследования конкретизирована в следующих задачах:

Теоретические задачи:

1. Рассмотреть и проанализировать понятие смысла жизни, а также основные подходы к интерпретации смысла жизни как базового элемента внутренней картины мира личности.

2. Изучить специфику представлений о смысловом содержании жизненного пути личности в современном обществе.

3. Проанализировать возможные отличия и особенности интерпретации смысла своей жизни у взрослых различной этно-конфессиональной направленности.

Методические задачи:

1. Рассмотреть возможный комплекс методов и методик для оценки представлений о смысле жизни.

2. Сформировать методический комплекс для исследования специфики интерпретации смысла своей жизни (интервью, стимульный и диагностический материал), с целью выявления сходства, либо различия в картине мира у взрослых различной этно-конфессиональной направленности.

Эмпирические задачи:

1. Изучить особенности интерпретации смысла своей жизни у взрослых различной этно-конфессиональной направленности.

2. Провести сравнительный анализ интерпретации смысла своей жизни у испытуемых в зависимости от этнической и религиозной принадлежности.

3. Описать и классифицировать представления о смысловом содержании жизни у взрослых.

Предметом исследования являются представления о смысле своей жизни. Объектом исследования выступают взрослые различной этноконфессиональной направленности.

Развитие человеческой личности в психологии традиционно связывается с формированием её сознания и самосознания. С.Л. Рубинштейн показал, что самосознание личности позволяет ей осознавать себя, свое окружение, а также себя в своих отношениях с окружающим. Целостное становление структуры самосознания личности, как правило, завершается к концу подросткового возраста. Способность к самосознанию связана с овладением человеком рефлексией. Рефлексивные качества психики, в основном, оформляются в возрасте после 7 лет [8].

В процессе психического развития ребёнка ему присваивается сложившаяся в истории человечества совокупность устойчивых связей в сфере ценностных ориентаций, позволяющая воспринимать себя одновременно социальной единицей и уникальной личностью. Структура самосознания личности обеспечивает её целостность, предполагающую сохранение основных смыслов и значений для человека, ценности его существования [10]. Структура самосознания состоит из пяти базовых звеньев – представлений о своём имени и теле, притязаний на признание, половой идентификации, психологического времени личности и социального пространства личностных отношений. Все названные звенья структуры самосознания начинают постепенно оформляться с момента рождения человека, но полноты своего раскрытия достигают к завершению возраста детства [7].

Развитие самосознания проходит при этом ряд ступеней – от наивного неведения в отношении самого себя к все более углубленному самопознанию. В процессе развития самосознания акцент переносится от внешней стороны личности к ее внутренней стороне. С этим связаны осознание своего своеобразия и переход к духовным, идеологическим сторонам самооценки. Самосознание неразрывно связано со стремлением к самоизменению, самоусовершенствованию. Содержанием самосознания является осознание человеком своих физических и психических свойств, своих действий и поступков, чувств и стремлений. Выделяя себя из объективной действительности, осознавая свои достоинства и недостатки, человек начинает изменять и свою психику, свое поведение в соответствии с теми требованиями, которые предъявляет к нему общество, и целями, которые он ставит перед собой в процессе самовос-

питания. В результате человек самоопределяется как личность на более высоком уровне. На таком уровне свое психологически реальное выражение самосознание получает в том, какой внутренний смысл приобретает для человека все то, что совершается вокруг него и им самим, в чём состоит наиболее достойный для человека смысл жизни [8].

Прежде чем перейти от самосознания к представлениям о смысле жизни, стоит остановиться на таком вопросе как пространство в самосознании. Эту составляющую идентичности человека – идентичность с окружающей средой – выделяют относительно недавно [5].

Как считает Г.М. Андреева, к «жизненной среде» можно отнести географический район проживания личности, тип поселения (город или деревня), природные и климатические характеристики местности и многое другое. Поэтому образ мира не может быть построен без учета и этого рода отношений человека с миром [1].

В понятие «жизненная среда» или «непосредственная жизненная среда» входят, в частности: «первичная экоструктура» – жизненное пространство, непосредственно «моя» среда обитания (дом, квартира, комната, вещи), продолжение моего собственного «Я»; «групповая экоструктура» – среда сообщества (территория проживания, места работы, различные помещения совместного пребывания – клуб, спортивная секция и т.п.), групповая экоструктура ближе к феномену социального Я – «Я как член клуба», «Я как работник предприятия». Социальная среда – своеобразная интеграция этих сред, что дает в итоге определенное качество жизни, проявляющееся, например, в культурной оседлости [5].

Социальная среда также может отображать представление человека о себе, как о представителе определенной нации и религии.

Именно эта непосредственная жизненная среда выступает основой идентификации личности с каким-то определенным местом ее существования и пребывания. Термин «средовая идентичность» обогащает представления об идентичности личности. Также, как и в случае формирования других координат идентичности, таких, как образ «Я», образ группы, образ времени, образ среды, образ национальной принадлежности, формируется на протяжении всей жизни человека.

Итак, самосознание личности является, безусловно, сложным по структуре, многоаспектным феноменом. В психологическом понимании самосознание не сводится к процессу познания себя или знанию о себе. Одним из результатов самосознания является личностная идентичность. Другой важный аспект самосознания связан с социальной идентичностью человека, который связан с принадлежностью

индивида к определенной социальной группе, в частности – к этносу, т.е. самоопределения индивидов в социально-групповом пространстве относительно многообразных общностей как «своих» и «не своих» и отношение индивида к этому самоопределению. Исследование соотношения этнической идентичности и социальной, является наиболее актуальным в современной России, при общем подъеме национального самосознания и обострения, связанных с этим, проблем. И одна из высших форм работы самосознания – попытки найти смысл собственной деятельности, что нередко вырастает в поиск смысла жизни [5].

Можно ли сказать, что у каждого свой собственный смысл жизни и сколько людей, столько же существует и «смыслов жизни»? Или все же, говоря о смысле существования, мы обращаемся к чему-то более глубокому и более сокровенному, к чему-то выходящему за рамки жизни конкретного человека, его личных проблем, целей, наклонностей и потенциалов? Возможно, независимо от эпохи, от мировоззрения или религии существуют некие всеобщие «вечные ценности» и «вечные знания», объединяющие совершенно разных людей? Тогда можно ли сказать, что именно в стремлении к этим вечным ценностям, именно в попытках постичь их формируется смысл жизни каждого отдельного человека? [9].

Проблема самосознания относится к прерогативе не только психологии. С античных времен по настоящее время она представляет собой интерес и для философов. К сожалению, смыслов жизни в истории философии приводится так много, что представить все лежащие в основе концепции нет никакой возможности. Здесь представлен лишь краткий обзор, который ставит своей целью продемонстрировать возможные направления в поисках смысла.

В религиозных системах и во многих философских концепциях смысл жизни раскрывается в контексте Высшего Начала и его проявлений – Бога и богов, в контексте законов Вселенной и эволюции всего сущего, в контексте Высшего Блага для человека и исходящих из него добродетелей. Это порождает особую систему высших этико-моральных ценностей, высших законов, которым должен следовать человек. Принимая разные формы, за каждой системой высших ценностей стоит одна и та же задача, один и тот же сокровенный смысл жизни: стать ближе к Богу [9].

Б.Н. Бессонов, анализируя взгляды отдельных философов и людей творчества, предлагает свой взгляд на этот вопрос. Смысл жизни – сострадание, служение людям. Смысл жизни – благоговение перед Жизнью. Чтобы наша жизнь стала осмысленной, важно относиться к самой жизни как к «награде», как к благу. Просто жить и любить жизнь – ведь это уже счастье. Смысл жизни – творчество [2].

Конечно, не все философские течения искали смысл жизни так высоко и так глубоко. Целью человеческой жизни «классические» народы ставили естественное совершенство – совершенство формы (греки), ума (Платон), и силы (римляне). Простые и здоровые радости жизни, безмятежная жизнь стоят на первом месте у жителей Индии. Для гедонистов, киников, стоиков и прочих счастье и наслаждение является смыслом и целью существования, а утилитаристы даже в наши дни считают, что высшей ценностью жизни является непосредственно ощутимый конкретный результат и польза, которую можно извлечь из любой вещи. Э. Кант говорил: «делай высшее, возможное в мире благо своей конечной целью». Л. Фейербах считал, что «первая обязанность – сделать счастливым самого себя. Если сам счастлив, то сделаешь счастливыми и других».

Начиная с XIX в. изучением представлений о смысле жизни активно занялись представители психологической науки. К. Обуховский считает, что понимание смысла своей жизни является необходимым условием нормального функционирования личности в любом обществе – это атрибут самосознания, с вероятными социально-культурными различиями.

В нашей стране, на протяжении веков, потребность смысла жизни является одной из наиболее ярких и глубоко укорененных черт русского народа, составляющих во многом стержень и своеобразие его культуры. А понимание смысла жизни – также может быть смыслом жизни [4]. На основании многочисленных опросов разными психологами была сделана классификация «смыслов жизни» и жизненных приоритетов. Опрос проводился в период с 2005 по 2009 г. Было предложено выбрать один из наиболее близких вариантов ответа на вопрос: «В чем заключается ваш смысл жизни?» [6].

Полученные результаты были таковы: в качестве приоритетов лидируют саморазвитие (22,1 %), отношения и семья (18 %), различные достижения (5,6 %), далее следуют деньги и материальное благополучие.

Лишь у выдающихся людей на первом месте были выделены любимое дело и вера [6, 9].

Также в данном опросе выяснялась профессиональная принадлежность респондентов и интерпретация смысла своей жизни у представителей различных сфер деятельности. Больше стремление к саморазвитию и движению к Богу высказали работники культуры, а значительная часть тружеников промышленной сферы смысла в жизни не видит.

Можем ли мы предположить на основе этих исследований, что верующий человек имеет высокий уровень самосознания или же эта зависимость обратная и чем более глубоко человек задумывается о своей жизни, чем больше развивает свои личностные качества, тем чаще он обращается к религии.

По этому вопросу всегда возникало много споров и разногласий, но никто не сможет опровергнуть, что все мировые религии проповедуют, в итоге, одни и те же ценности: любовь, доброта, свобода, нравственность и т.д.

На основе обзора теоретической литературы и приведенных табличных данных можно выдвинуть следующие гипотезы:

- представления о смысле жизни у взрослых различной этно-конфессиональной направленности имеют свои особенности. А в силу того, что Россия – многонациональная страна, данные особенности влияют на уровень терпимости среди населения;
- изучив эти особенности, можно ближе подойти к разрешению проблем взаимопонимания и толерантности;
- специфика смыслового восприятия своей жизни зависит не только от возраста и пола, но и от религиозной и этнической принадлежности;
- для определения эффективности смысло-жизненных ориентаций в процессе повышения толерантности в обществе необходимо определить смысловой потенциал, заложенный в основе религий, представленных на территории Российской Федерации.

Подводя итог всему вышесказанному, хотелось бы обратить внимание на слабую степень изученности данного вопроса, как в отечественной, так и в зарубежной психологии, что подчеркивает необходимость дальнейших эмпирических исследований. А также отметить несомненную теоретическую и практическую важность исследований по данной теме. Смысло-жизненные ориентации и ценности остаются с человеком на всю жизнь, а имея твердые убеждения, легче сказать «нет» и наркотикам, и экстремистским лозунгам, и террористическим группировкам.

Каждый человек сам решает, для чего он живет и каким смыслом он наполнит свою жизнь. Лучше разобравшись в своих чувствах, познав себя, проще сделать свою жизнь радостнее и приятнее. В заключение приведу высказывание известного философа М.К. Мамардашвили: «Если человек отправляется от точки, в которой знание не помогает, он идет в направлении смысла».

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Наука, 1994.
2. Бессонов Б.Н. Смысл жизни личности // Смысл жизни: опыт философского исследования. – М.: Изд-во Росс. акад. управления, 1992.
3. Всероссийская перепись населения 2002 г., Федеральная служба государственной статистики. Том 4.
4. Джидарьян И.А. Психология общения и развития личности // Психология формирования и развития личности. – М.: Наука, 1981.
5. Иванова В.В. Общие вопросы самосознания личности. – М.: РГИУ, 2002.
6. Леонтьев Д.А., Осин Е.Е. Эмпирическая типология смыслов жизни в США и России // Смысл жизни и акме. – М.: Смысл, 2004.
7. Мухина В.С. Возрастная психология: Феноменология развития, детство, отрочество. – М.: Академия, 2002.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб., 1998.
9. Сикирич Е.П. Смысл жизни. Электронное издание: «Человек без границ». – 2010.
10. Складорова Т.В., Носкова Н.В. Возрастная психология. – М.: ПСТГУ, 2009.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА
И ПОДРОСТКОВЫХ СТРАХОВ

Симаченко И.П.

В статье рассматриваются причины возникновения подростковых страхов и их взаимосвязь с эмоциональным интеллектом. Также описываются различные модели эмоционального интеллекта.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, страх, подростковый возраст, эмоции.

Современный подросток живет в мире сложном по своему содержанию и тенденциям социализации. Напряженная, неустойчивая, социальная, экономическая, экологическая, идеологическая обстановка, сложившаяся в настоящее время в нашем обществе, обуславливает рост различных проблем в развитии и поведении растущих людей. Среди них особую тревогу вызывают не только растущая отчужденность, одиночество, повышенная тревожность, духовная пустота, но и растущие страхи.

Страх вызывается теми же объектами, которые возбуждают ярость. Антагонизм этих двух душевных состояний заслуживает в динамике инстинктов особое внимание. Мы одновременно и боимся того существа, которое хочет нас убить и желаем сами убить его. Вопрос о том, какое из этих двух стремлений должно одержать верх в каждом отдельном случае решается в зависимости от других побочных обстоятельств, которыми обыкновенно руководствуются только существа, одаренные нашими умственными способностями. Разумеется, эти обстоятельства вносят в реакцию неопределенность; она наблюдается у высших животных, так же, как и в человеке, и потому вовсе не доказывает, будто мы действуем менее инстинктивно, чем они. Телесные проявления страха чрезвычайно энергичны, наряду с радостью и гневом это одна из трех сильнейших эмоций, какие только способен испытывать человек.

По результатам исследования К.Э. Изарда (1971), проводившего опрос представителей разных стран, страх является именно той эмоцией, которую люди больше всего не хотят переживать. Само по себе переживание страха пугает человека. Видов страха человека бесконечное множество. Один страх парализует, другой активизирует. Страх индивидуален и отражает личностные особенности каждого человека, он может быть вызван как физической, так и психологической угрозой.

Естественные сигналы опасности, на которые человек биологически предрасположен реагировать страхом – боль (ожидание боли), одиночество, внезапное изменение стимуляции, стремительное приближение объекта (Д. Боул-би, 1969), высота, нечто незнакомое.

Страх проявляется на поведенческом и телесном уровне, на уровне переживаний. По сравнению с другими эмоциями страх оказывает наиболее сдерживающее влияние: а) ограничивается восприятие; б) мышление замедляется, становится более узким по объему и более ригидным по форме; в) мускулы напрягаются; г) сокращается число степеней свободы в поведении. Переживание страха сопровождается чувством неуверенности, незащищенности, невозможности контролировать ситуацию. Причем переживание самого страха зачастую более мучительно, чем эмоциональная реакция на ситуацию [1].

Различные исследования свидетельствуют о том, что подростковый возраст – это период бурных внутренних переживаний и эмоциональных проблем. Типичные школьные страхи, которые исчезают в 10–13 лет, в старшем подростковом возрасте проявляются в измененной и более выраженной форме. В данном возрастном периоде преобладают социальные и экзистенциальные страхи (А.М. Прихожан, В.Г. Ромек). Таким образом, проявленные экзистенциальные страхи нередко оказывают влияние на социальную жизнь старшего подростка и его групповую активность.

По мнению Захарова, наличие страхов в подростковом возрасте говорит об отсутствии надлежащей помощи в более раннем, младшем школьном, а особенно – в старшем дошкольном возрасте, когда страхи наиболее успешно подвергаются психологическому воздействию, т.к. больше обусловлены эмоциями, чем свойствами личности, и, во многом, носят возрастной, переходящий характер. Более

чувствительно страх проявляется в подростковом возрасте, когда происходит существенное развитие самооценки, которая неразрывно связана с чувством самоуважения и уверенности в себе [2].

В исследованиях А.И. Захарова, В.Р. Кисловской выделен ряд тревог и страхов, типичных для старших подростков. Старшие подростки более всего опасаются насмешек, собственных неудач, а также войны, болезни и смерти родителей.

В большом исследовании, проведённом А.М. Прихожан, посвященном изучению содержания страхов школьников, были получены интересные результаты, связанные с динамикой страха [5]. На первом этапе исследования (1979–1982 гг.) у всех школьников, независимо от пола, страхи фокусировались: у учащихся младших классов – на школьных проблемах, у подростков – на взаимоотношениях со сверстниками, у старшеклассников – на проблемах, связанных с отношениями со взрослыми и боязнью личной несостоятельности. На втором этапе исследования (1989–1992 гг.) практически во всех возрастных группах выявились половые различия. У девочек всех возрастов первоочередными были проблемы семьи: страхи смерти, болезни, отрицательных переживаний родителей. У мальчиков в этот период преобладал страх глобальных катастроф, в подростковом возрасте особенно высок страх физического насилия. На третьем этапе исследования (1996–1997 гг.) у школьников увеличилась выраженность «архаических» и «магических» страхов. Страх физического насилия приобрёл характер и социальный и витальный [5].

Отечественные и зарубежные ученые (Э. Эриксон, И.С. Кон, А.Е. Личко, Ф. Раис, Х. Ремшмидт и др.) констатируют, что возросшее число экзистенциальных страхов у старших подростков понижает уверенность в себе, без которой невозможны адекватная самооценка, личностная интеграция и принятие себя, претворение планов в жизнь и полноценное общение со сверстниками. Во всех случаях успешность устранения страхов зависит от знания их причин и особенностей психического развития ребенка.

Как считал известный физиолог И.П. Павлов [1], страх является проявлением естественного рефлекса, пассивно-оборонительной реакцией с лёгким торможением коры больших полушарий. Страх основан на инстинкте самосохранения, имеет защитный характер и сопровождается определёнными изменениями нервной высшей деятельности, отражается на частоте пульса и дыхания, показателях артериального давления, выделении желудочного сока. В самом общем виде, эмоция страха возникает в ответ на действие угрожающего стимула. Существует 2 угрозы, имеющие универсальный и одновременно фатальный, в своём исходе, характер. Это смерть и крах жизненных ценностей, противостоящие таким понятиям как жизнь,

здоровье, самоутверждение, личное и социальное благополучие. Но и помимо крайних выражений, страх всегда подразумевает переживание какой-либо реальной и воображаемой опасности.

Несмотря на то, что страх – естественная реакция организма на какую-либо опасность, его преобладание может привести к негативным психологическим последствиям: развитию эмоциональной неудовлетворенности, исчезновению положительных эмоций, проблемам общения со сверстниками, зажатости, тревожно-пессимистической оценке будущего. Это проявляется в общей заторможенности, раздражительной слабости и импульсивных, внезапно возникающих, трудно предсказуемых действиях ребенка, появлению неврозов.

На усиление подростковых страхов влияет большое количество личностных факторов, таких как низкая самооценка подростка, низкая способность самоуправления, высокий уровень тревожности. Одним из факторов, оказывающих влияния, является эмоциональный интеллект. Для того чтобы понять, насколько сильное влияние оказывает низкий эмоциональный интеллект на подростковые страхи, рассмотрим это понятие подробнее.

Первая и наиболее известная в научной психологии модель эмоционального интеллекта была разработана Питером Сэловеем и Джоном Мэйером; ими же был введён в психологию и сам термин «эмоциональный интеллект». Первоначальный вариант этой модели определял эмоциональный интеллект как способность отслеживать собственные и чужие чувства и эмоции, различать их и использовать эту информацию для направления мышления и действий [9] и трактовался как сложный конструкт, состоящий из способностей трёх типов:

- 1) идентификация и выражение эмоций;
- 2) регуляция эмоций;
- 3) использование эмоциональной информации в мышлении и деятельности.

Каждый тип способностей состоит из ряда компонентов. Способность к идентификации и выражению эмоций делится на два компонента, один из которых направлен на свои, а другой – на чужие эмоции. В первый компонент включаются вербальный и невербальный субкомпоненты, а во второй – субкомпоненты невербального восприятия и эмпатии. Регуляция эмоций состоит из двух компонентов: регуляция своих и чужих эмоций. Третий тип способностей, связанный с использованием эмоций в мышлении и деятельности, включает компоненты гибкого планирования, творческого мышления, перенаправленного внимания и мотивации.

Позже Сэловей и Мэйер доработали и уточнили предложенную модель [8]. Этот вариант модели эмоционального интеллекта основывается на пред-

ставлениях о том, что эмоции содержат информацию о связях человека с другими людьми или предметами [8]. Иначе можно было бы сказать, что они «информируют» человека о характере этих связей. При этом, связи могут быть не только актуальными, но и вспоминаемыми и даже воображаемыми. Изменение связей с другими людьми и предметами приводит к изменению эмоций, переживаемых по этому поводу. В свете этих представлений эмоциональный интеллект трактуется, как способность перерабатывать информацию, содержащуюся в эмоциях: определять значение эмоций, их связи друг с другом, использовать эмоциональную информацию в качестве основы для мышления и принятия решений.

Анализ способностей, связанных с переработкой эмоциональной информации, позволил Сэловею и Мэйеру [8] выделить четыре компонента, которые были названы «ветвями». Эти компоненты выстраиваются в иерархию, уровни которой, по предположению авторов, осваиваются в онтогенезе последовательно. Важно отметить, что каждый компонент касается как собственных эмоций человека, так и эмоций других людей.

1. Идентификация эмоций. Включает ряд связанных между собой способностей, таких, как восприятие эмоций (т. е. способность заметить сам факт наличия эмоции), их идентификация, адекватное выражение, различение подлинных эмоций и их имитации.

2. Использование эмоций для повышения эффективности мышления и деятельности. Включает способность использовать эмоции для направления внимания на важные события, вызывать эмоции, которые способствуют решению задач (например, использовать хорошее настроение для порождения творческих идей), использовать колебания настроения как средство анализа разных точек зрения на проблему.

3. Понимание эмоций. Способность понимать комплексы эмоций, связи между эмоциями, переходы от одной эмоции к другой, причины эмоций, вербальную информацию об эмоциях.

4. Управление эмоциями. Способность к контролю за эмоциями, снижению интенсивности отрицательных эмоций, осознанию своих эмоций, в том числе и неприятных, способность к решению эмоционально нагруженных проблем без подавления связанных с ними отрицательных эмоций. Способствует личностному росту и улучшению межличностных отношений [8].

Д. Голмен [7] определял эмоциональный интеллект как фундаментальную способность самоощущения, выражающуюся в таких свойствах как внимательность, уважительность и способность к сочувствию другим, участливость и чувство ответственности. В своей модели эмоционального интеллекта

Д. Голмен [7] соединил когнитивные способности с личностными характеристиками (энтузиазм, настойчивость и социальные навыки). Имеется в виду, что эмоционально интеллектуальный человек, понимая и оценивая себя, зная свои интересы, тем не менее, способен отставить их на второй план, в конечном итоге – проявить человечность.

Развитие моделей эмоционального интеллекта можно представить, как континуум между аффектом и интеллектом. Крайним выражением этой тенденции стала модель Бар-Она, которая вообще отказалась относить к эмоциональному интеллекту познавательные способности. Эмоциональный интеллект в трактовке Бар-Она – это все не когнитивные способности, знания и компетентность, дающие человеку возможность успешно справляться с различными жизненными ситуациями.

Модель Р. Бар-Она [6] определяет эмоциональный интеллект как все некогнитивные способности, знания и компетентность, дающие человеку возможность успешно справляться с различными жизненными ситуациями. Р. Бар-Он выделил пять сфер компетентности, которые можно отождествить с пятью компонентами эмоционального интеллекта; каждый из этих компонентов состоит из нескольких субкомпонентов.

1. Познание себя: осознание своих эмоций, уверенность в себе, самоуважение, самоактуализация, независимость.

2. Навыки межличностного общения: эмпатия, межличностные взаимоотношения, социальная ответственность.

3. Способность к адаптации: решение проблем, связь с реальностью, гибкость.

4. Управление стрессовыми ситуациями: устойчивость к стрессу, контроль за импульсивностью.

5. Преобладающее настроение: счастье, оптимизм [6].

Д.В. Люсин определяет эмоциональный интеллект как способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими [4]. Способность к пониманию эмоций означает, что человек может распознать эмоцию (установить сам факт наличия эмоционального переживания у себя или у другого человека), идентифицировать эмоцию (установить, какую именно эмоцию испытывает он сам или другой человек), найти для неё словесное выражение, а также понять причины, вызвавшие данную эмоцию, и следствия, к которым она приведёт.

Способность к управлению эмоциями означает, что человек может контролировать интенсивность эмоций, прежде всего, приглушать чрезмерно сильные эмоции; может контролировать внешнее выражение эмоций; может при необходимости произвольно вызвать ту или иную эмоцию.

И способность к пониманию и способность к управлению эмоциями может быть направлена и на собственные эмоции и на эмоции других людей. Таким образом, Д.В. Люсин говорит о внутриличностном и межличностном эмоциональном интеллекте. Эти два варианта предполагают актуализацию разных когнитивных процессов и навыков, однако должны быть связаны друг с другом. По мнению автора, нельзя рассматривать эмоциональный интеллект как чисто когнитивную способность, по аналогии с пространственным или вербальным интеллектом. Предполагается, что способность к пониманию эмоций и управлению ими очень тесно связана с общей направленностью личности на эмоциональную сферу, с интересом к внутреннему миру людей (в том числе и к своему собственному), склонностью к психологическому анализу поведения, с ценностями, приписываемыми эмоциональным переживаниям. Поэтому эмоциональный интеллект в модели Д.В. Люсина [4] представлен как конструкт, имеющий двойственную природу и связанный, с одной стороны, с когнитивными способностями, а с другой стороны – с личностными характеристиками. Таким образом, эмоциональный интеллект понимается как психологическое образование, формирующееся в ходе жизни человека под влиянием ряда факторов, которые обуславливают его уровень и специфические индивидуальные особенности. Автор выделяет три группы факторов: когнитивные способности (скорость и точность переработки эмоциональной информации), представления об эмоциях (как о ценностях, важном источнике информации, о себе самом и о других людях) и особенности эмоциональности (эмоциональная устойчивость, эмоциональная чувствительность).

Предлагаемая модель эмоционального интеллекта, предложенная Д.В. Люсиным, принципиально отличается от других моделей тем, что в конструкт не вводятся личностные характеристики, которые являются коррелятами способности к пониманию и управлению эмоциями. Допускается введение только таких личностных характеристик, которые более или менее прямо влияют на уровень и индивидуальные особенности эмоционального интеллекта.

В исследованиях Д.В. Люсина [4] отмечается, что высокий уровень эмоционального интеллекта связан с ответственностью, самоконтролем и эмоциональной устойчивостью. При этом способность понимать эмоциональное состояние человека без слов и без опоры на однозначные признаки типа

внешних проявлений эмоций; чуткость к внутренним состояниям людей взаимосвязана с позитивным, сочувственным отношением к другим людям (эмпатия) и коммуниктивной компетентностью, с которой связана ориентация на внешние проявления эмоций при определении эмоционального состояния других и общая способность к пониманию чужих эмоций.

Итак, эмоциональный интеллект представляет собой интегральную интеллектуальную способность, определяющую успешность общения и социальной адаптации, и определяется как способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению, и обуславливает успешность его развития.

Таким образом, взаимосвязь эмоционального интеллекта и подростковых страхов обусловлена тем, что люди с высоким уровнем эмоционального интеллекта умеют понимать свои эмоции и чувства других людей. Такие люди способны управлять своей эмоциональной сферой, и поэтому в обществе их поведение более адаптивно, они легче добиваются своих целей во взаимодействии с окружающими, соответственно уровень страхов у таких людей будет ниже.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайзман Н. Реабилитационная педагогика. – М., 1978.
2. Захаров А.В. Дневные и ночные страхи у детей. – СПб, 2000.
3. Леонтьев А.А. Психология общения: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Смысл, 1997. – С. 235, 249.
4. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – С. 150, 176.
5. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. – М., 2000. – С. 32–33.
6. Bar-On R. The Bar-On model of emotional intelligence: A valid, robust and applicable EI model // Organisations & People – 2007. – № 14. – P. 27–34.
7. Goleman D. Emotional intelligence. – New York, Toronto: Bantam Books, 1998.
8. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R., Sitarenios G. Emotional intelligence as a standard intelligence // Emotion. – 2001. – V. 1. – P. 232–242.
9. Salovey P., Mayer J.D. Emotional intelligence // Imagination, Cognition, and Personality. – 1990. – № 9. – P. 185–211.

**ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ИССЛЕДОВАНИЕ
ОСОБЕННОСТЕЙ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ГЕШТАЛЬТ-ТЕРАПЕВТА****Фоминичев А.В.**

Эта статья раскрывает особенности изучения анализа психотерапевтического дискурса в намерениях. Тексты диалогов, которые являются неотъемлемой частью психотерапевтического дискурса, были изучены для выявления мотивации, когнитивных и коммуникативных аспектов деятельности словесных терапевтов. Наши исследования посвящены изучению психотерапевтического дискурса основателя гештальт-терапии Фрица Перлза. В общей сложности, 192 терапевтического выражения Перлза были проанализированы, в них было выявлено 331 намерение. В ходе работы была получена уникальная информация о чертах стиля и интеграции в психотерапевтическую практику теоретических постулатов гештальт-подхода.

Ключевые слова: психотерапия, дискурс, намерение речи, цель анализа, гештальт-терапия.

На современном этапе развития психологии как науки, а также психологического консультирования как ее составной части, возникла необходимость в теоретических и экспериментальных исследованиях, касающихся процесса взаимодействия психолога-консультанта и клиента. Следует отметить, что во взаимодействии присутствуют два компонента, два языка. Первый – язык тела или невербальный язык, второй – текст, оформленный в слова или речевое взаимодействие. Речь является не только средством передачи информации в общении, но также сигнализирует о психическом состоянии, переживаниях, мыслях, личностных особенностях говорящего субъекта. Лишь сравнительно недавно особенности речевого взаимодействия участников консультативного диалога стали объектом изучения (Г.С. Абрамова, Ю.Е. Алешина, П.П. Горностай, С.В. Васьковская, А.Ф. Копьев, Т.А. Флоренская). Немногочисленные исследования в области индивидуального консультирования только подступают к анализу речи консультанта и клиента (А.Ф. Бондаренко, Е.Ф. Василюк, Е.И. Кирилова).

Психотерапевтическое взаимодействие можно рассматривать как дискурсивную практику (Н.Ф. Калина, Н.Д. Павлова, Е.Б. Старовойтенко, Т.Н. Ушакова). Дискурс – это «текст, погруженный в жизнь» обоих участников терапевтического процесса – психотерапевта и клиента. Тексты диалогов, которые являются составной частью психотерапевтического дискурса, нуждаются в изучении с целью выявления мотивационных, когнитивных и коммуникативных аспектов речевой деятельности психотерапевта. Исследование дискурса связано с обращением психологической

науки к исследованию ситуаций реальной жизни, взаимодействия и общения людей. Изучение дискурса занимает центральное место в таких науках и научных отраслях как лингвистика, психолингвистика, психология общения, теория коммуникации, дискурсивная психология, рефлексивная психология и др.

В речи отражаются различные семантические аспекты. «Свое понимание, в широком смысле, представляющее подчас систему взглядов и отношений, человек может фиксировать и проявлять с помощью различных знаков, семиотических средств. Речь является наиболее универсальной и многообъемлющей семиотической (семантической) системой» [11, с. 64–65].

Текстом может быть речь, ставшая внешней по отношению к автору, адресованная Другому. В последние время широкое распространение получили идеи М.М. Бахтина об адресованности речи («без слушающего нет и говорящего, без адресата нет и адресанта») и «хронотопе» (всякое высказывание приобретает смысл только в контексте, в конкретное время и в конкретном месте). Любой текст диалогичен. Диалог выступает в значении «всеобщности» присущей человеческому сознанию. Любой текст отражает в себе характеристики процесса порождения и восприятия речевого сообщения. М.М. Бахтин пишет: «Текст живет только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке... контакта текстов вспыхивает свет, приобщающий данный текст к диалогу... За этим контактом – контакт личностей, а не вещей (в пределе). Если мы превратим диалог в один сплошной текст, т.е. сотрем разделы голосов

(смены говорящих субъектов), что в пределе возможно (монологическая диалектика Гегеля), то глубинный (бесконечный) смысл исчезнет (мы стукнемся о дно, поставим мертвую точку)» [2, с. 305].

Таким образом, речь выступает как многогранный объект изучения, тесно связанный с изучением личности в целом, с ее интеллектуальной и коммуникативной деятельностью. Существенными характеристиками речи являются ее адресованность и направленность.

Для осмысления текста оказывается недостаточным понимание значения отдельных, изолированных фраз, предложений, абзацев и даже системы внешних значений целостного текста. А.Р. Лурия отмечал, что понимание текста определяется возможностью понимания не столько поверхностного его смысла, внешних, открытых значений, сколько внутреннего смысла, контекста и подтекста, мотивов, которые стоят за текстом и побуждают автора его продуцировать [7].

Речевая интенция – это намерение высказаться. Речь психотерапевта может считаться профессиональной тогда, когда он, во-первых, выражает в психотерапевтических высказываниях те намерения, которые способствуют реализации целей клиента и, во-вторых, когда он выражает интенции психотерапевтического метода, проверенного и обоснованного научными исследованиями и практикой. Следовательно, психотерапевт должен строить свои высказывания с учетом интенционального плана своей речи.

Однако проблема заключается в том, что до настоящего времени интенциональные характеристики речи психотерапевта практически не исследовались. В силу данного обстоятельства возникает необходимость поиска и исследования общепсихологических оснований речевой психотерапевтической деятельности, изучения ее интенционального плана, выявления интенциональной специфики психотерапевтической речи. Решение данной проблемы позволит наметить перспективы осознанного обучения профессиональной разговорной практике будущих психологов-консультантов и психотерапевтов.

К психотерапевтам во всем мире обращаются как люди, страдающие невротическими, психосоматическими или психастеническими нарушениями, так и те, у кого разладились отношения в семье или на работе; те, кто столкнулся с кажущимися неразрешимыми экзистенциальными проблемами или стремящиеся к психическому равновесию и личностному росту, чтобы сделать свою жизнь более счастливой и многогранной.

Наше исследовательское внимание сфокусировано на изучении психотерапевтического дискурса основателя гештальт-терапии Фрица Перлза.

Гештальт-терапия возникла во время эволюционных перемен в психологической науке, когда от идей детерминизма, перешли к идеям релятивизма. Гештальт-терапия представляет собой феноменологически-экзистенциальное течение в психотерапии. Важно отметить, что зачастую, среди практикующих специалистов, можно наблюдать редукцию в понимании гештальт-подхода, и сведения данного самобытного терапевтического направления до набора экспрессивных и ярких техник, без профессиональной рефлексии философских оснований и теоретических конструкторов, положенных в основу данного направления в психотерапии.

Изначально гештальт-подход был создан как оригинальная психотерапевтическая система, в связи с чем, описание перспектив и способов изменения личности с помощью терапевтического воздействия на первый взгляд кажется очевидным. Однако концептуализировать огромный терапевтический опыт в стройную теоретическую модель оказалось сложной задачей. Представим основные теоретические идеи, релевантные терапевтической практике.

Во-первых, базовым постулатом терапевтической модели в гештальт-подходе является концепция, заимствованная из теории парадоксальных изменений А. Бейссера: «Изменения происходят тогда, когда человек становится тем, кем он есть, а не тогда, когда он старается быть тем, кем не является» [3, с. 6–7]. Руководствуясь этим положением, гештальт-терапевт лишь поддерживает присущий каждому человеку уникальный процесс творческого приспособления в поле «организм / среда». Таким образом, в гештальт-подходе считается, что изменения в жизни клиента зависят от того, насколько он способен впечатляться от обнаруженного им собственного способа бытия.

Второй тезис логично вытекает из предыдущего и заключается в том, что терапевтическая практика в гештальт-подходе, в отличие от других направлений терапии, фокусируется не на изменении личности клиента, а на процессе организации им контакта со средой. Поскольку self эквивалентен понятию «организация процесса контакта», постольку гештальт-терапевт выступает как специалист в сфере контактирования. При этом в фокусе находятся как нарушения функций self, так и прерывания контакта.

Третья идея относится к методу терапии. Особое значение для изменения личности, с позиций гештальт-подхода, приобретает новый опыт, который клиент получает в процессе терапии. Задача же терапевта заключается в создании безопасных условий для экспериментирования, направленного на получение нового опыта, в поддержке процесса контактирования со средой, частью которой является сам терапевт, а также в оказании помощи клиенту в ассимиляции полученного опыта.

Нами было проведено исследование психотерапевтического дискурса Фрица Перлза на основании стенограмм его непосредственной работы с клиентами. Исследование проводилось группой экспертов, практикующих психотерапевтов, со стажем свыше 10 лет, имеющих высшее психологическое образование и прошедших долгосрочное обучение на базе Московского Гештальт Института, в настоящее время являющимися преподавателями данного института. В ходе нашего исследования, в общей сложности, было проанализировано 192 психотерапевтических высказывания Ф. Перлза, в которых было выявлена 331 интенция.

Данные получены при помощи методики «Интен-анализ психотерапевтического дискурса» разработанной Е.И. Кирилловой на основании метода интен-анализа Т.Н. Ушаковой. Данная методика и выступила основным средством сбора эмпирического материала, показав высокий уровень валидности и информативности, несмотря на значительную долю субъективизма, заложенную в суть ее реализации посредством экспертной оценки.

Методика «Интен-анализ психотерапевтического дискурса» относится к качественной ветви методологии в современной психологии. Качественный вектор направлен на изучение феноменов, которые сложно или невозможно исследовать экспериментально и которые не измеряются в параметрах количества, величины, интенсивности. Данная методика построена на основе экспертной оценке, которая используется в тех случаях, когда необходимо сделать обобщения и выводы, опирающиеся на профессиональную компетентность, опыт работы в данной сфере, а значит, в значительной степени, субъективна. И вместе с тем, на основании единых критериев выделения и разграничения интенций, а также компетентности специалистов задействованных в исследовании, позволяет получать уникальную информацию об особенностях психотерапевтического репертуара практикующего психотерапевта со значительной долей достоверности и согласованности.

Е.И. Кириллова выделяет 3 категории интенций психотерапевта:

- познавательные – представляют собой намерения психотерапевта выразить в речи свое понимание ситуации клиента;
- диалогические – намерения психотерапевта выразить в речи отношение к клиенту как субъекту общения;
- помогающие – намерения психотерапевта выразить в речи суть своей помощи клиенту в развитии его рефлексии и самосознания.

Алгоритм реализации исследования выглядел следующим образом.

1. На основании описанных Е.И. Кирилловой интенций, экспертами, независимо друг от друга, был проанализирован отдельный текст сессии Ф. Перлза, не входящий в состав исследуемой нами выборки. Задача анализа состояла в идентификации психотерапевтических интенций, выявленных в данном тексте, а также в согласовании мнения экспертов относительно каждой интенции.
2. Текст психотерапевтических сессий Ф. Перлза был тщательно проанализирован, интенции психотерапевтического дискурса идентифицированы и промаркированы.
3. В результате анализа было идентифицировано в текстах диалогов психотерапевтических сессий Ф. Перлза 28 разнокачественных интенций.
4. Для согласования и оценки, идентифицированных нами интенции, были привлечены эксперты, которым был предоставлен текст психотерапевтических сессий Ф. Перлза с идентифицированными нами интенциями, которые эксперты оценивали по принципу «+» – «согласен», «-» – «не согласен».
5. Были обобщены результаты идентификации интенций в текстах психотерапевтических сессий Ф. Перлза и получены средние результаты по количественному и процентному составу присутствия интенций в текстах данных сессий.

Следующим шагом было описание количественного и качественного содержания интенций в психотерапевтической деятельности Ф. Перлза, а также анализ интенций в соответствии с теорией гештальт-терапии.

После обработки и анализа полученных результатов мы смогли сделать следующие выводы относительно особенностей психотерапевтического дискурса Ф. Перлза, для которого характерны:

- концентрация на происходящем «здесь и теперь», в непосредственном взаимодействии терапевта и клиента;
- ясный, понятный для клиента стиль речи;
- авторитарность стиля ведения психотерапии;
- стремление построить «хороший контакт» с клиентом;
- субъект-субъектный стиль терапевтического воздействия;
- принятие в клиенте, и помощи в признании и интеграции клиентом отторгнутых ранее и не принимаемых им теперь различных сторон собственной личности;
- нацеленность на экспериментирование, построение в процессе терапии эксперимента, который поможет клиенту осуществить проверку тех или иных фантазий и убеждений;
- расширение непосредственного осознания клиентом собственных ощущений в теле, чувств, желаний, влечений, потребностей и т.д.;

- стремление к обретению клиентом нового опыта, в процессе его взаимодействия с психотерапевтом или участниками группы. Ф. Перлз побуждал клиента выйти за границы привычного способа восприятия и деятельности в безопасной обстановке психотерапевтического пространства.

Наша работа представляет собой вариант психологического изучения речи психотерапевта, в котором использованы понятия и методы общей психологии. Ключевыми понятиями работы являются «интенциональность» и «интенция», тогда как ее центральным методом является метод интен-анализа. Речь психотерапевта есть дискурсивная практика, одной из характеристик которой выступает интенциональность, детерминированная, во-первых, профессиональными установками конкретного психотерапевтического метода, во-вторых, контекстом психотерапевтической ситуации общения и, в-третьих, коммуникативным намерением оказания психологической помощи. Терапевт в контексте гештальт-подхода является активным участником психотерапевтического взаимодействия, который присутствует в нем целиком, а не только как некая функция или роль. Гештальт-терапевт является включенным свидетелем жизни клиента, и во многом благодаря этому, оказывается «алертным помочь».

ЛИТЕРАТУРА

1. Айви А., Айви М., Саймэн Л. Психологическое консультирование и психотерапия. Методы, теории и техники: практическое руководство. – М., 1999. – 487 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
3. Бейссер А. Парадоксальная теория изменений // Гештальт. – 2001. – С. 6–14.
4. Василюк Ф.Е. Психотехника переживания: учебное пособие. – М., 1991.
5. Кириллова Е.И. Интен-анализ психотерапевтического дискурса: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2010.
6. Левин К. Динамическая психология, избранные труды. – М.: Смысл, 2001. – 527 с.
7. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М., 1998.
8. Перлз Ф. Гештальт-семинары. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2007. – 66 с.
9. Перлз Ф. Теория гештальт-терапии. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2008. – 384 с.
10. Поттер Дж. Дискурс-анализ как метод исследования естественно протекающей речи // Иностранная психология. – 1998. – № 10. – С. 36–45.
11. Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д. и др. Слово в действии. Интен-анализ политического дискурса. – СПб.: Алетейя, 2000. – 316 с.

Berlova T.N.

Interdisciplinary approaches to studying of professional-career formation of students

In article content of pedagogical, sociological and psychological approaches to studying of professional-career formation of students are considered.

Keywords: *professional-career formation of students.*

REFERENCES

1. Akimova E.J. Psychological support of professional formation of the state and municipal employees in the course of training in high school. Psychological aspects of professional formation // The collection of materials of the All-Russia interuniversity scientific conference. – M., 2009. – P. 5–13.
2. Basalaeva N.V. Features sense formation in the conditions of quasiprofessional work: the dissertation of the candidate psychol. sciences. – Barnaul, 2006. – 191 p.
3. Voronina O.A. Life strategy as the factor of the relation of students to educational activity: the dissertation of the candidate psychol. sciences. – Kirov, 2008. – 229 p.
4. Grigorovich I.E. Feature of professional identity students with different status of various majors: the author's abstract of the candidate of psychological sciences. – M., 2009. – 22 p.
5. Dzhanyan S.T. Valuable basis of a choice and realization of career by students of SFU competence approach in formation – successful career of the graduate // Materials of the International scientifically-practical conference. – Rostov-on-Don: Antej, 2009. – P. 104–107.
6. Dzhanyan S.T., Astafeva I.N. Structure of the graduate's vital plans directed on realisation of career // News of Southern federal university. Pedagogical sciences. – Rostov-n/D: SFU, 2011. – № 5. – P. 124–130.
7. Dzhanyan S.T., Gvozdeva D.I. Feature of student's career ideals: today and 10 years ago. Innovative potential of subjects of educational space in the conditions of an education modernization» // Materials of the international scientifically-practical conference. – Rostov-n/D: SFU, 2010. – P. 33–35.
8. Dzhanyan S.T., Gvozdeva D.I. Student's ideal of a way of life as a basis of work of the high school centre of career. Problems and prospects of formation and a youth labor market at the present stage // Materials of the International scientifically-practical conference. – Rostov-n/D: Antej, 2010. – P. 46–48.
9. Dzhanyan S.T., Soldatova I.A. Psychological readiness of Southern Federal University graduate students for entrepreneurship // Science and education: economy and financial economy; entrepreneurship; low and management. – Rostov n/D., 2012. – № 2 (21). – P. 7–12.
10. Dzhanyan S.T., Sheveleva A.M. Ideal of professional career of the future psychologists // Psychol. bulletin RSU. – 2000. – № 5. – P. 214–217.
11. Zhdanovich A.A. Career orientations in structure of the professional self-concept of students: The author's abstract of the candidate of psychological sciences. – M., 2008. – 22 p.
12. Malenov A.A. Features of formation of professional self-consciousness in the course of reception of psychological formation // Professional self-consciousness and economic behavior of the person: Works of the fourth international scientific Internet conference (March–June 2011 г.). – Omsk: the Polygraphic centre CAN, 2011. – P. 153–162.
13. Markova A.K. Psychology of professionalism. – M, 1996. – 308 p.
14. Martynova M.D. Management of process of student's professional and cultural formation through institute of coaching // University management: practice and the analysis. – 2004. – № 5–6 (33). – P. 104–106.
15. Mitina L.M. Personal and professional development of the person in new social and economic conditions // Psychology Questions. – 1999. – № 4. – P. 32.
16. Mogilyovkin E.A. Career growth: diagnostics, technologies, training: The monography. – SPb.: speech, 2007. – 336 p.
17. Novikova I.A., Polynskaya E.N. Psychological characteristics of students with different types of career preferences // Professional self-consciousness and economic behavior of the person: Works of the third international scientific Internet conference (March–June, 2009). – Omsk: the Polygraphic centre CAN, 2009. – P. 248–264.
18. Novoselova L.A. Activization of student's professional formation: The author's abstract of the candidate of pedagogical sciences. – Kemerovo., 2005. – 12 p.
19. Osipova T.P. Formation of readiness of students to professional self-improvement // The Yaroslavl pedagogical bulletin. – Yaroslavl, 2011. – P. 150–153.
20. Pedanova E.J. Expressiveness of psychological regulators of professional development as the indicator of socially-psychological resources and problems at a vocational training stage // Professional self-consciousness and economic behavior of the person: Works of the third international scientific Internet conference. – Omsk: the Polygraphic centre CAN, 2009. – P. 321–341.
21. Sokolov E.A. Professional formation of the person of the expert-humanist. – M: the University book, 2009. – 480 p.

22. Titovets T.E. The higher education content as the factor of professional development // Professional self-consciousness and economic behavior of the person: Works of the third international scientific Internet conference. – Omsk: the Polygraphic centre CAN, 2009. – P. 341–348.
23. Reid A., Dahlgren L. O., Petocz P., Dahlgran M.A. Identity and engagement for professional formation // Studies in Higher Education. – 2008. – № 33 (6). – P. 729–742.

Kiryakova E.A.

The main approaches to the study of professional military officers to adapt

This paper deals with analysis of psychological approaches the study of adaptation of military officers.

Keywords: professional adaptation, personality, process, socio-cultural, motivational approaches.

REFERENCES

1. Freud Z. Ego and the Id. Proceedings of the different years: In 2 vols. – Tbilisi, 1991. – P. 27, 45, 57.
2. Bagdasar'ian N. Graduate Students' expectations. – M, 2003. – P. 113–119.
3. Belozeroва N. Features of psychological adaptation to extreme conditions of military duty: Dis. Candidate. psihol.nauk. – Stavropol, 2005. – 29 p.
4. Volodin N.V. Adaptation of the staff: the Russian experience of building an integrated system. – M., 2009. – P. 17–18.
5. Velichko S. Adaptive capacity in the psychological preparation of soldiers to civilian life: Dis. kand. psih Sciences. – M., 2004. – P. 24–35.
6. Velichko S. Education as a factor to adapt the military to the civil environment // Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference: Developing the personality of the system of higher education in Russia. – Rostov n/D, 2002. – Part 4. – P. 120–123.
7. Velichko S. Personal capacity as a factor in adaptation // The world of man: Intern. Sat scientific and practical work / ed. B.C. Kukushina. – Rostov n/D: Gingo, 2003. – № 5. – P. 25–28.
8. Velichko S. On an adaptation of military capabilities // Proceedings of the Second All-Russia Internet-Conference (with international participation): The potential of the individual: a complex problem on 17–19 June 2003 r. / Ed. E.A. Uvarov. – Tambov: TGU Publisher them, 2003. – P. 18–22.
9. Velichko S. The development of adaptive capacities of personality // Proceedings of the XLIX Scientific, Technical and Scientific Conference of the faculty, graduate students and staff TSURE. – Taganrog: TSURE Publishing, 2004. – Spec. Issue number 1 (36). – P. 145.
10. Volanen M.V. Professional adaptation of young people // Personality Psychology and the image zhizni. – M.: Nauka, 1987. – P. 51–65.
11. Dzhanyan S.T. Metodicheskoe benefit special course "Professional development of the personality and her career". – Rostov-on-Don, 2006. – P. 20–37.
12. Dmitrieva M.A. Career longevity // Psychological support training activities / Ed. G.S. Nikiforov. – St. Petersburg: University Press, 1991. – P. 37–46.
13. Zharov A.K. Psychological conditions of professional self-affirmation of young officers of surface ships: Dis. kand. psih. nauk. – M., 2003. – P. 23.
14. Kibanov A.J. Fundamentals of human resource management textbook. – M., 2005. – P. 59–67.
15. Maklakov A.G. Voennaya psychology. – M., 1998. – P. 57–59.
16. Markov A.K. Psihologiya professionalism. – M., 1996. – P. 25.
17. Parshin E.E. Interpersonal interaction submarine officers performing military service in combat: Dis. kand. psihol. nauk. – Kursk, 1999. – P. 27–29.
18. Rivne O. The influence of gender on the adaptation of culture officers – tion of female soldiers in the army // Read Sorokin: Social processes in contemporary Russia: Traditions and Innovations. – M.: DCD, 2007. – Vol. 5. – P. 302–305.
19. Rivne O. Adaptation of servicemen as a result of the successful application of educational technology // Innovations in Science and Education. Part 2. – Kaliningrad: Kaliningrad State Technical University, 2007. – P. 265–266.
20. Rivne O. Innovative educational technology in the adap-tational during the first year of military service // Safety of Navigation and training of marine specialists SSN 2007. – Kaliningrad: Russia BGA, 2007. – P. 266–268.
21. Rivne O. Gender-specific adaptation to the profession // Actual problems of modern military training. – Kaliningrad: Univ KPI FSB, 2007. – P. 59–61.
22. Rivne O. Professional adaptation of young specialists its in a market economy // The pedagogy of secondary and higher education. – Kaliningrad: Univ. RSU them. Immanuel Kant, 2007. – Issue 4. – P. 30–34.
23. Rivne O. Problems of social adaptation of servicemen on contract // Innovations in the field of professional military education. – Kaliningrad: Univ. KPI FSB, 2008. – P. 27–29.
24. Soloviev I.V. Psychological adaptation of interior troops of Russia to the service and combat activity and armed conflict: Dis. Candidate. Psychology. Sciences. – M., 1999. – P. 28–57.
25. Thorndike E.? Watson J.B. Psychology Major trends in the classical works. Behaviorism. – M., 1998. – P. 25–37.

26. Tolman E.CH., Hall J.L. The main directions in the psychology of classical works. Neobiheviorizm. – M., 1998. – P. 45–48.
27. Readings in humanistic psychotherapy. – M., 1995. – P. 37–39.
28. Shatvoryan L.G. Social and professional adaptation of servicemen during the transition period: Dis. Ph.D. Psychology. Science. – Yerevan, 1999. – P. 25, 26, 57.
29. Military Psychology. Military Psychology: Overview. Retrieved. – November 24, 2009. – P. 205–207.
30. Freyd Z. The Psychology unconscious. Overview retrieved. – 2003. – P. 20–28.

Koteneva E.B.

Psychological aspects of studying of success of professional activity and its indicators in activity social workers

In this article the question of a variety of the carried-out researches in the field of success of professional activity of the person, considering factors, criteria, indicators and interrelation of success with other characteristics of the personality reveals. In article features of professional activity of social workers, their tasks, function and personal qualities are also presented; results of researches of success of professional activity of social workers and its indicators at representatives of this profession.

Keywords: success of professional activity, criteria of success of professional activity, indicators of success of professional activity, social workers.

REFERENCES

1. Antsyferova L.I. About a dynamic approach to psychological studying of the personality // The Psychological magazine. – 1981. – T. 2. – № 2. – P. 8–18.
2. Astapenko E.V. Subjective akmeologicheskoy determinants in the conditions of effective professional activity of managers: Author's abstract yew ... edging. psychological sciences. – Rostov-on-Don, 2011. – 23 p.
3. Barinov V.V. Influence of specific features of the identity of the basketball player on success of competitive activity: Dis. ... edging. pedagogical sciences. – M., 2001. – 171 p.
4. Berejnay N.I. Psikhofiziologicheskoye and psychological factors of professional success of operative customs officers: Author's abstract yew ... edging. sciences. – Rostov-on-Don, 2005. – 24 p.
5. Demidenko N.N. Motivatsionno – the potrebnostny sphere of the personality as a component of psychological readiness and its influence on success of pedagogical activity: Dis. ... edging. psychological sciences. – Tver, 1996. – 202 p.
6. Derkach A.A. Akmeologicheskoye culture of the personality: contents, regularities, developments. – M., Voronezh, 2006. – 496 p.
7. Dzhaneryan S.T. Psychological factors of success of activity of the instructor of flight preparation: Author's abstract yew ... edging. psychological sciences. – L., 1989. – 15 p.
8. Zheltova E.V. Psychological determinants of success of professional formation of students of higher education institution: Author's abstract yew ... edging. psychological sciences. – Rostov-on-Don, 2008. – 23 p.
9. Zakharova E.Ya. Influence of standard and valuable orientations of teachers on success of their activity: Author's abstract yew ... edging. pedagogical sciences. – L., 1989. – 16 p.
10. Zeer Z.F. Psychology of professions. – M., 2003. – 330 p.
11. Ivanova E.M. Psychology of professional activity. – M., 2006. – 382 p.
12. Kleymentov Yu.E. Influence of social and psychological factors on success of career in small business: Dis. ... edging. psychological sciences. – M., 2007. – 184 p.
13. Maltsev V.A. System of values of the social worker and psychological bases of its effective formation: Dis. ... edging. loony. sciences. – Kemerovo, 2001. – 178 p.
14. Matskevich O.A. Interrelation of individual and psychological features of staff of advertizing agency with efficiency of their professional activity: Author's abstract yew ... edging. psychological sciences. – M., 2009. – 24 p.
15. Marilyn V.S. personality structure: character, abilities, consciousness: The manual to a special course of «A basis of psychology of the personality». – Perm, 1990. – 110 p.
16. Myasishchev V.N. Psychology of the relations. – M., 2003. – 400 p.
17. Nikolaev A. What changed in me success? // Psychology. – 2007. – № 12. – P. 56–61.
18. Training to practice of social work. The international view and the prospect/lane with english Yu.B.Shapiro / Under the editorship of M. Doel and S. Shardlou. – M., 1997. – 223 p.
19. Pavlyonok P.D. Introduction in a profession «Social work»: Course of lectures. – M., 1998. – 174 p.
20. Petrov A.A. Common cultural competence and its influence on success of pedagogical activity: On an example of teachers of natural and mathematical subjects: Dis. ... edging. pedagogical sciences. – Penza, 1999. – 191 p.
21. Rodina O.N. About concept «success of labor activity» // The Messenger of the Moscow State University. – Series 14. Psychology. – 1996. – № 3. – P. 60–67.

22. Structure of state budgetary institution of social service of the population of the Rostov region «The center of the social help to a family and children – the House of a family of Azov».
23. Telenkov D.V. Influence of the relation to educational and sports activity on their success at students of higher education institutions of physical culture: Author's abstract yew ... edging. psychological sciences. – SPb, 2009. – 24 p.
24. Teplinsky M.V. Uspeshnost of professional activity of the expert of the social sphere // Polzunovsky messenger. – 2006. – № 3. – P. 252–257.
25. Firsov M.V., Shapiro B.Yu. Psychology of social work: contents and methods of psychosocial practice: The manual for students of higher educational institutions. – M., 2002. – 192 p.
26. The charter of state budgetary institution of social service of the population of the Rostov region «The center of the social help to a family and children – the House of a family of Azov».
27. Shapovalova V.A. Individual professional success of managers of a power complex: Author's abstract yew ... edging. psychological sciences. – Rostov-on-Don, 2009. – 23 p.
28. Shmelev N.B. Formation and development of the identity of the social worker as professional: Manual. – M., 2004. – 196 p.
29. Super D. The Psychology of Careers. An introduction to vocational development. – N.Y., 1975. – 347 p.
3. Hippocrates. About healthy lifestyles. – Minsk, 1998. – 139 p.
4. Kuznetsova E.A. Valeological support of students of medical colleges as a condition of maintaining an individual's health in the process of training and further employment // Health psychology: a new research field: Materials roundtable with international participation. – SPb.: SPBGIPSR, 2009. – 454 p.
5. Lisitsyn Y.P. Lifestyle and health. – M., 1982. – 40 p.
6. Prokhorov V.N. Psychosomatic and physical health problems of doctors // Health psychology: a new research field: Materials roundtable with international participation. – SPb.: SPBGIPSR, 2009. – 454 p.

Bzezyan A.A.

Lookism and ethnic discrimination

The article is devoted to discrimination based on appearance (lookism) in connection with the investigation of ethnic discrimination. Allocated rates of discrimination based on appearance, as well as the factors that influence the expression of discriminatory attitudes. Denotes a set of methods that allows to study the phenomenon in the context of lookism – as ethnic discrimination.

Keywords: discrimination, lookism, appearance, ethnic discrimination.

REFERENCES

1. Dyakonov K.B. Strategy of integration and adaptation of immigrants in West Africa in the modern French society: Thesis. Can. soc. Mr. – M., 2009. – 25 p.
2. Dubitskaya E.A. The stigmatization of patients with depression: Thesis. Can. med. Mrs. – M., 2009. – 20 p.
3. Isaeva E.A. Preventing discrimination in the employment relationship: theoretical aspects and legal practice: the experience of the United States: Thesis. Can. juris. Mr. – 2008. – 26 p.
4. Miklyaeva A. Age Discrimination as a socio-psychological phenomenon. – SPb.: Speech, 2009. – 160 p.
5. Myasishchev V.N. Psychology relations. Moscow: Publishing House of the "Institute of Practical Psychology". – Voronezh: NGO "MOU EC", 1995. – 356 p.
6. Myers J. Social Psychology. – SPb.: Prime-EVROZNAK, 2002. – 512 p.
7. Poznyakov V.P., Khromova V.L. Social and psychological characteristics related to tobacco smoking in smokers and non-smoking men and women // Knowledge. Understanding. Skills. Humanitarian expertise. – 2009. – № 1. – P. 196–200.
8. Knocking T. Institutional analysis of discrimination in the Russian labor market // Economy. – 2008. – P. 141–148.

Shinkarenko M.V.

The influence of professional orientation to the social representations of health

The article examines the impact of professional choice to social view of health. In this article we give an examples of different approaches of understanding the health of people of humanitarian or technical orientation. Particular attention is paid to the study of representations of health of workers in health care, because our country is very high incidence in the professional group of doctors. There is ignoring doctors a healthy lifestyle due to lack of mental focus to maintain and optimize their own health.

Keywords: Health, occupation, social values, the internal picture of health, labor, professional orientation.

REFERENCES

1. Bagrunov V.P., Tyurin T.T. Sex-role differences in the human psyche // Science and Technology. – Riga, 1980. – № 10. – P. 16–19.
2. Vasilieva O.S., Filatov F.R. Health Psychology. The phenomenon of culture, health, psychological science and common-sense thinking. – Rostov-on-Don: «Mini Taipa», 2005. – 480 p.

9. Sholokhov I.A. Psychological characteristics of adaptation of students abroad: Thesis. dis ... because psychology. – M., 2002.
10. Labunskaya V.A. Not the body language, but the language of the soul! Psychology of non-verbal expressions of personality. – Rostov n/D: Phoenix, 2009. – 344 p.
11. Neuliep J.W., McCroskey J.C. The Development of US and Generalized Ethnocentrism Scale // Communication Research Reports. – 1997. – № 14.
12. Norton W. An Introduction to Sociology: 7th ed. – New York, 2009. – P. 334.

Mertehin A.A.

Internet addiction and information overload

This article describes the features of the Internet addictive behavior, describes the causes and symptoms of Internet addiction, as well as the question of information overload, analyzes its causes.

Keywords: Dependent behavior, Internet addiction, information overload, non-chemical addiction.

REFERENCES

1. Korolenko Ts.P. Addictive behavior. General characteristics and patterns of development // Review of Psychiatry and Medical Psychology. – 1991. – № 1. – P. 8–15.
2. Chudova I.V. Features an image of "I", "Internet Resident" // Journal of Psychology. – 2002. – V. 22. – № 1. – P. 113–117.
3. Young K.S. The diagnosis of Internet addiction // World Internet. – 2000. – № 2. – P. 24–29.
4. Chudova N.V., Evlampieva M.A., Rakhimov N. Psychological characteristics of the communicative space of the Internet // Mediapsihologiya. – M., 2001.
5. Castells M. The Rise of the Network Society // The Information Age: Economy, Society and Culture Vol. I. – Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 2004. – P. 1–27.
6. Castells M. (as chief editor). The network society. – Cheltenham; Northampton Edward Elgar, 2004. – 464 p.
7. Griffiths M. Internet addiction: Fact or fiction? // Psychologist. – 1999. – V. 12. – № 5. – P. 246–250.

Ulyanova N.Y.

The relationship of socio-psychological and object-activity efficacy and cohesion of the production groups

This article gives the description of a multidimensional model of group efficacy and cohesion. It also gives the

results of study of the relationship of types efficiency and cohesion that are have been performed on a sample of industrial groups.

Keywords: group efficacy, group cohesion, the production team.

REFERENCES

1. Mondrus A.L., Sidorenkov A.V. Techniques of study of small groups' cohesion in the organization: a teaching allowance. – Rostov-on-Don: South Federal University, 2011.
2. Nemov R.S. Social-psychological analysis of the effectiveness of collective. – M.: Pedagogika, 1984.
3. Sidorenkov A. V., Sidorenkova I.I. The effectiveness of small groups within the organization // Social-psychological and organizational-active aspects. – Rostov-on-Don: South Federal University, 2011.
4. Sidorenkov A.V., Ulyanova N.Y. Techniques of study of efficacy of the small production groups // Russian Psychological Journal. – 2011. – V. 8. – № 4. – P. 9–16.
5. Krech D., Cruchfield R.S., Ballechey E.L. Individual in Society. – N. Y., 1962.
6. Schwarz R.M. Ground Rules for Effective Groups // Training & Development. – 1994. – V. 8. – P. 45–51.

Romanenko E.I.P.

Fashion as object of social perception

In article the contents, structures and mechanisms of formation of ideas of a fashion is considered. Distinctions in the content of ideas of a fashion at students and practical psychologists are presented. The detailed analysis of the directions of fashionable behavior in modern society is given. Determinants of emergence of certain types of idea of a fashion are analysed.

Keywords: fashion, ideas of a fashion, psychological essence of a fashion, self-presentation, fashionable behavior, fashion functions.

REFERENCES

1. Abroza E.A. Moda in dynamics of cultural processes of Europe. – SPb.: Nestor, 2005. – 130 p.
2. Brinck I. Russian fashion today. – M: publishing house «Jam», 2007. – 168 p.

Shkurko T.A., Balakina A.A.

Socio-psychological characteristics of relationships with other people of inhabitants metropolis, large and small cities

This article analyzes the significant differences of expression of socio- psychological needs and the parameters of relationships with other people of

inhabitants metropolis, large and small cities. This article describes the features of relationships with other people of different types of urban residents due to spatial and temporal parameters of living in it. The article shows the interrelation between structural and content characteristics of the image of the city of metropolis, large and small cities and intensity of socio-psychological needs, options, and other types of relationships. The article also shows that the urban identity of the inhabitants of the cities due to the type, spatial and temporal parameters of living and associated with a number of social and psychological needs, options, and types of relationships to other people.

Keywords: attitude, types of relations, relation to other, spatial and temporal parameters of the formation the relationship, socio-psychological needs, a resident of the city, the image of the city, urban identity.

REFERENCES

1. Bourdieu P. Structure, habitus, practice // Modern Social Theory: Bourdieu, Giddens, Habermas. – Novosibirsk, Publishing House of Novosibirsk University Press, 1995.
2. Glazychev V.L. Education space // Knowledge is power. – 2004. – August. – P. 39–46.
3. Zhelnina A.A. Transformation of spaces of consumption in contemporary Russian city on the example of St. – Petersburg // Abstract of diss. ... candidate. of soc. sciences, St. Petersburg, 2011, 22 p.
4. Ikonnikov A.V. Space and form in architecture and town planning. M. Dom Kniga, 2006. – 352 p.
5. Ilyin V.T. The city as a concept of culture: diss ... for the degree of Doctor. of sociologist. science. Rostov-on-Don, 2004, 331 p.
6. Korepanov G. Regional identity as the basic category of sociology Regional Development // Power. – 2009. – № 1. – P. 43–50.
7. Miklyaeva A.V., Rumyantsev P.V. Social identity card: content, structure, mechanisms of formation. – St.: RSPU by A.I. Herzen, 2008. – P. 8–16
8. Myasishchev V.N. Psychology of relationships. – Moscow: Publishing House of Moscow Psychological and Social Institute. 2003. – 400 p.
9. Panyukova J.G. Place as a category of analysis of the interaction between man and environment // Applied Psychology. – 2000. – № 5. – P. 53–61.
10. Punin K.A., Romashova M.V. Urban environment as a «battlefield» for a new identity // Identity as a subject of political analysis. 2011. – 299 p.
11. Sazonov D.N. Social and psychological characteristics of the representation of urban space-object environment among residents of the city: Abstract of diss... candidate of psychol. science, Belgorod, 2009. – 153 p.
12. Samoshkina I.S. Territorial identity as a social and psychological phenomenon // Questions of psychology. – 2008 – № 4 – P. 99–105
13. Semenova T. Theoretical and applied aspects of social – psychological study of urban mentality // diss. ... for the degree of Doctor of Psychology, Kazan, 2007
14. Shmatko N.A., Kachanov Y. Territorial identity as a subject of sociological research // Sociological Research. – 1998 – № 4 – P. 94–99.
15. Lofland L.H. The Public Realm. New York: Aldine De Gruyter, 1998. – 305 p.

Prokofieva N.V. External and internal factors for the formation of moral and ethical consciousness of the individual

The article is devoted to external and internal conditions of the formation of moral and ethical consciousness of the individual. It addresses the problem of embeddedness of society in the moral education of the individual. Identified moral issues of modern society. We describe the formal and the substantive side of morality. Are some ideas about the formation of a full-fledged moral and ethical consciousness of the individual.

Keywords: spirituality, morality, ethics, spiritual and moral development, moral and ethical category, moral values and humanitarian outlook, ethical thinking, moral crises, responsibility, socialization, formal and substantive side of moral, spiritual and moral education, moral and ethical consciousness, free will.

REFERENCES

1. Apresyan R.G. The idea of morality and basic legal and ethical program. – M.: IF Academy of Sciences, 1995. – 353 p.
2. Apresyan R.G. Imperative and valuable dynamics of morality. – URL: <http://iph.ras.ru/page50859827.htm>.
3. Bratus B.S. The problem of moral consciousness in the culture of the past century // Questions of psychology. – 1993. – № 1. – P. 6–13.
4. Valianmetov H.H. Spiritual and moral development of the individual in training-event activities: dis. candidate of psychology: 19.00.13. – M.: State Library, 2003.
5. Leontiev D.A. Spirituality, self-regulation, and values. – URL: <http://www.institut.smysl.ru/article/spirit.php>.
6. Leontiev D.A. From the personal to the social values: sociogenesis and phenomenology of the valuable regulation of activities. – URL: <http://mary1982.narod.ru/leontiev.html>.

7. Kagan M.S. The philosophical theory of value. – SPb.: TOO TC «Petropolis», 1997. – 142 p.
8. Prokofiev A.V. The phenomenon of social morality: a philosophical analysis: dis. doctor of philosophy: 09.00.05. – M.: State Library, 2006.
9. Shabel'nikov V.K. Soul Psychology: Study Guide. – M.: Publishing center «Academy» 2003. – P. 86–87.
10. Schweitzer A. The social nature of the aesthetic sense. – M.: Znanie, 1978. – 64 p.

Rostova E.N.

Self-consciousness and conception of sense of the life among adults

The article touches upon the problem of identity of sense of one's life. Features of formation of consciousness of the personality are considered. Value of the live environment of consciousness as bases of identification of the personality with any certain place of its existence and stay is shined. Features of interpretation of sense of the life in various philosophical currents and from the point of view of representatives of a psychological science are studied. Data on differences in understanding of sense of the life at representatives of various professions are provided. Hypotheses for further studying of a problem are presented.

Keywords: sense of the life, self-consciousness, valuable orientations, «the life environment», religion, self-determination level.

REFERENCES

1. Andreeva G.M. Social psychology. – M.: Nauka, 1994.
2. Bessonov BN The meaning of a person's life // The meaning of life: the experience of philosophical inquiry. – M.: Publishing House of Ross. Acad. Management, 1992.
3. National Census 2002, the Federal State Statistics Service. – Vol. 4.
4. Dzhidaryan I.A. Psychology of communication and personality development // Psychology of formation and development of personality. – M.: Nauka, 1981.
5. Ivanova V. Common Questions identity card, RGIU, 2002.
6. Leontev D.A., Osin E.E. An empirical typology of the meanings of life in the U.S. and Russia // The Meaning of Life, and Acme. – M.: The Meaning, 2004.
7. Mukhina V. Developmental Psychology: Phenomenology of development, childhood, adolescence. – M.: Academy, 2002.
8. Rubinstein S. Fundamentals of general psychology. – SPb., 1998.
9. Sikirich E. The meaning of life // Electron Edition "The Man Without Borders". – M., 2010.

10. Sklyarova T., Noskova N. Developmental Psychology. – M.: St. Tikhon Orthodox humanitarian University, 2009.

Simachenko I.P.

The relationship of emotional intelligence and adolescent fears

The article discusses the causes of teenage fears and their relationship to emotional intelligence. Also describes the various models of emotional intelligence.

Keywords: emotional intelligence, fear, adolescence, emotions.

REFERENCES

1. Vaisman N. Rehabilitation pedagogy. – M., 1978.
2. Zaharov A.V. Day and night terrors in children. – SPB, 2000.
3. Leontiev A.A. Psychology of communication: the 2 edition. – M.: Meaning, 1997. – P. 235, 249.
4. Lusin D.V. Modern concepts of emotional intelligence // Social Intelligence: Theory, measurement, research. – M.: Publishing house "Institute of psychology RAN", 2004. – P. 150, 176.
5. Prihogan A.M. Anxiety in children and adolescents: psychological nature and age dynamics. – M., 2000. – P. 32–33.
6. Bar-On R. The Bar-On model of emotional intelligence: A valid, robust and applicable EI model // Organisations & People. – 2007. – № 14. – P. 27–34.
7. Goleman D. Emotional intelligence. – New York, Toronto: Bantam Books, 1998.
8. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R., Sitarenios G. Emotional intelligence as a standard intelligence // Emotion. – 2001. – V. 1. – P. 232–242.
9. Salovey P., Mayer J.D. Emotional intelligence // Imagination, Cognition, and Personality. – 1990. – № 9. – P. 185–211.

Fomonichev A.V.

Psychotherapeutic discourse: a study of characteristics of verbal interaction with Gestalt therapist

This article reveals the features of the study of psychotherapeutic discourse analysis by intent. Text of the dialogues, which are an integral part of the psychotherapeutic discourse, were studied to identify the motivational, cognitive and communicative aspects of verbal activity of the therapist. Our research focuses on the study of psychotherapeutic discourse, the founder of Gestalt Therapy – Fritz Perls. In total, 192 therapeutic expression of F. Perls, were analyzed in which there were revealed 331 intention. In the course of the work unique

information was received about features of the style and integration of psychotherapeutic practice in the theoretical postulates of Gestalt approach.

Keywords: *psychotherapy, discourse, speech intention, Intent-analysis, Gestalt Therapy.*

REFERENCES

1. Ivey A., Ivey M., Sajmèn I. Psychological counseling and psycho-therapy. Methods, theories and techniques: a practical guide. – M., 1999. – 487 p.
2. Bakhtin M.M. Aesthetics of literary creativity. – M.: Art, 1979. – 424 p.
3. Bejsser A. Paradoxical theory of change // Gestalt. – 2001. – P. 6–14.
4. Vasilyuk F.E. Psych technique experiences: a training manual. – M., 1991.
5. Kirillova E.I. Intent analysis mental discourse: dis. ... managing faculty psychological sciences. – M., 2010.
6. Lewin K. Dynamical psychology, selected works. – M.: meaning, 2001. – 527 p.
7. Luria A.R. language and consciousness. – M., 1998.
8. Perls F. Gestalt workshops. – M.: Institute of General Humanitarian Studies, 2007. – 66 p.
9. Perls F. Theory of Gestalt therapy. – M.: Institute of humanities research ment, 2008. – 384 p.
10. Potter J. Discourse analysis as a research method naturally flowing speech // Foreign psychology. – 1998. – № 10. – P. 36–45.
11. Ushakov T.N., Pavlov N.D. and other. Words into action. Intent Analysis Skog political discourse. – SPb.: Aletheia, 2000. – 316 p.

Балакина Анна Андреевна

аспирант кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,

г. Ростов-на-Дону, 344038

Тел.: +7 (863) 2303237; *e-mail:* anette9@mail.ru

Берлова Татьяна Николаевна

аспирант кафедры психологии личности факультета психологии ЮФУ

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,

г. Ростов-на-Дону, 344038

Тел.: +7 (863) 2303247;

e-mail: ber_tana@bk.ru

Безьян Анастасия Амбарцумовна

аспирант кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,

г. Ростов-на-Дону, 344038

Тел.: +7 (863) 2303237;

e-mail: nastya_bzezyan@mail.ru

Кирякова Елена Александровна

менеджер по подбору персонала ООО ЧОП «Ермак-2», соискатель кафедры психологии личности факультета психологии ЮФУ

Служебный адрес: пр. Сельмаш, д. 29,

г. Ростов-на-Дону, 344029

Тел.: +7 (863) 252-69-95;

e-mail: kirjakova1986@mail.ru

Котенёва Екатерина Борисовна

секретарь Азовского технологического института (филиал Донского Государственного технического института (ДГТУ))

Служебный адрес: ул. Промышленная, д. 1, г. Азов, Ростовская обл., 346780

Тел.: +7 (86342) 41815; *e-mail:* kerolain86@mail.ru

Мертехин Артём Александрович

аспирант кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии ЮФУ

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,

г. Ростов-на-Дону, 344038

Тел.: +7 (863) 2303257;

e-mail: artemertehin@gmail.com

Прокофьева Наталья Владимировна

соискатель кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии ЮФУ

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,

г. Ростов-на-Дону, 344038

Тел.: +7 (863) 2303257;

e-mail: natalia@proxico.ru

Balakina Anna Andreevna

postgraduate student of Social psychology department of South Federal University

Office address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia

Tel.: +7 (863) 2303237; *e-mail:* anette9@mail.ru

Berlova Tatyana Nikolaevna

postgraduate student the department of psychology of personality of South Federal University

Office address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia

Tel.: +7 (863) 2303247;

e-mail: ber_tana@bk.ru

Bzezyan Anastasia Ambartzumovna

postgraduate student of Social psychology department of South Federal University

Office address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia

Tel.: +7 (863) 2303237;

e-mail: nastya_bzezyan@mail.ru

Kiryakova Elena Alexandrovna

the manager on personnel selection, private security Company «Ermak-2», the postgraduate student. Southern federal university Psychology faculty

Office address: 29, Sel mash ave., Rostov-on-Don, 344029

Tel.: +7 (863) 2526995;

e-mail: kirjakova1986@mail.ru

Koteneva Ekaterina Borisovna

the Azov institute of technology – branch of the Don State technical institute (DGTU), secretary

Office address: 1, The industrial street, Azov city, Rostov region, 346780

Tel.: +7 (86342) 41815;

e-mail: kerolain86@mail.ru

Mertehin Artem Aleksandrovitch

postgraduate education of the department of the general psychology of the psychological faculty of South Federal University

Office address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia

Tel.: +7 (863) 2303247;

e-mail: artemertehin@gmail.com

Prokofyeva Natalya Vladimirovna

postgraduate education of the department of the general psychology of the psychological faculty of South Federal University

Office address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia

Tel.: +7 (863) 2303247; *e-mail:* natalia@proxico.ru

Романенко Елизавета Павловна

аспирантка кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 2303257;
e-mail: tatiananik@list.ru

Ростова Екатерина Николаевна

аспирантка кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 2303257;
e-mail: katrinrostova@yandex.ru

Симаченко Ирина Павловна

аспирант кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 2303257;
e-mail: simachenko_irina@mail.ru

Ульянова Наталья Юрьевна

аспирант кафедры психологии управления и акмеологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 2303247;
e-mail: n.y.ulyanova@gmail.com

Фоминичев Антон Валерьевич

аспирант кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 2303257;
e-mail: fa-man@mail.ru

Шинкаренко Максим Валерьевич

аспирант кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 2303257;
e-mail: maxim.shine@gmail.com

Шкурко Татьяна Алексеевна

доцент кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 2303237;
e-mail: shkurko@sfedu.ru

Romanenko Elizabeth Pavlovna

postgraduate education of the department of the general psychology of the psychological faculty of South Federal University
Office address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 2303247; *e-mail:* tatiananik@list.ru

Rostova Ekaterina Nikolaevna

postgraduate education of the department of the general psychology of the psychological faculty of South Federal University
Office address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 2303247; *e-mail:* katrinrostova@yandex.ru

Simachenko Irina Pavlovna

postgraduate education of the department of the general psychology of the psychological faculty of South Federal University
Office address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 2303247;
e-mail: simachenko_irina@mail.ru

Ulyanova Natalya Yurievna

postgraduate student of the chair of the psychology of management and akmeology of South Federal University
Office address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 2303247; *e-mail:* n.y.ulyanova@gmail.com

Fominichev Anton Valerievich

postgraduate education of the department of the general psychology of the psychological faculty of South Federal University
Office address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 2303247; *e-mail:* fa-man@mail.ru

Shinkarenko Maksim Valereevich

postgraduate education of the department of the general psychology of the psychological faculty of South Federal University
Office address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 2303247;
e-mail: maxim.shine@gmail.com

Shkurko Tatiana Alekseevna

associate Professor of Social Psychology of the psychological faculty of South Federal University, Candidate of Psychology Science
Office address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 2303237; *e-mail:* shkurko@sfedu.ru

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Требования к публикациям

Статьи принимаются в распечатанном и электронном вариантах в формате редактора Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать стандартные гарнитур шрифта: Times или Arial.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи через запятую – цитируемых страниц (например, [42, с. 561]). Рисунки представлять на дискете отдельными файлами в формате TIF или PDF с распечатками и перечнем подрисуночных подписей. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи.

К статье прилагаются **аннотация и ключевые слова** объемом не более 0,5 стр., а также **сведения об авторе**:

- 1) фамилия, имя и отчество;
- 2) домашний почтовый адрес с индексом, телефон;
- 3) специальность, ученое звание;
- 4) место работы и должность, почтовый адрес места работы, с индексом, служебный телефон;
- 5) электронный адрес (e-mail)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ, НАЗВАНИЕ СТАТЬИ, АННОТАЦИЮ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА СЛЕДУЕТ ПРЕДОСТАВИТЬ ТАКЖЕ И НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.

Статьи аспирантов печатаются бесплатно.

По всем вопросам публикаций обращаться по адресу:
344038, Ростов-на-Дону, пр. Нагибина, 13, ком. 243, редакция
Тел. (863) 243-15-17; E-mail: rpj@psyf.rsu.ru, rpj@bk.ru
Часы работы
понедельник – пятница 13.00-18.00
суббота, воскресенье – выходной

